

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

ЗИМНИЕ ПЕРЕЗВОНЫ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 17. Зимние перезвоны**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 17. Зимние перезвоны / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-893-8

В 17-м томе собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вы вместе с ним отправитесь в необычное путешествие по Аляске, краю золотоискателей и нефтяников, увидите ее людей и природу, а заодно, по традиции, заглянете и в «Таежный тупик», навестить Агафью Лыкову.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-893-8

© Песков В. М.
© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1987	9
Способы защититься	9
Змея в багажнике	12
Глаза	15
Домик для крохалей	19
Осени середина	23
Мельница у дороги	26
В Бёхове над Окой	30
Лось	33
Соседи	35
Чарующий звук	36
В Риме, у Колизея...	39
1988	41
Дракон	43
Охотник и мусорщик	45
Кое-что о хвостах	47
Чей нос лучше?	50
Альтруизм	53
Кончина Лыкова-старшего	55
Погонщик весны	61
Близнецы	63
Свадебный пруд	65
Мастера	67
Пчелиная борода	70
Живая память степей	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Василий Песков

Полное собрание сочинений.

Том 17. Зимние перезвоны

«Все в конечном счете должно служить благу человека, лучшему устройству его жизни, его благополучию. Но благополучие и качество жизни – это не только крыша над головой, телевизор в жилье, автомобиль, добротные штаны и ботинки. Приемлемое качество жизни немыслимо без здоровой пищи, без чистого воздуха и чистой воды, без радующего глаз пейзажа, без цветов и пения птиц. Мудрость состоит в том, чтобы сегодня, предрешая завтрашний день, помнить об этом».

В. Песков

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

Предисловие

Одно из самых интересных путешествий Василий Михайлович Песков совершил на Аляску.

Так получилось, что летели мы вместе, и не мы одни: целая группа очень разных людей, собранных открывшимся тогда при «Комсомольской правде» «Фондом социальных инициатив».

Но оказалось, что организовал все изначально не сам фонд, а именно Василий Михайлович. Он потом вспоминал: «Путешествие это началось еще в школе. Глядя на карту мира, я останавливал взгляд на «довеске» к Соединенным Штатам, розовым лоскутком висевшем где-то на севере. Интриговало, что эта земля с притягательным звучным названием – Аляска – была когда-то русской колонией. Почему же теперь не наша?»

Как и у всех, главные знания-впечатления об Аляске были почерпнуты у Джека Лондона. Но мог ли я думать, учась в деревенской школе лесостепной России, что шестидесятилетие свое отмечу на Аляске. Мечта увидеть Крайний Север Америки возникла после автомобильного путешествия по Соединенным Штатам в 1972 году. Познакомившись близко с большой интересной страной, я почувствовал: Аляска среди всех штатов стоит особо и живет по каким-то особым северным правилам. Но как попасть в этот край? Аляска была закрытой зоной с военными базами. Советским журналистам въезд сюда запрещался, так же, как была закрыта для американцев соседняя с Аляской Камчатка.

Путь на Аляску я начал с посещения Комитета государственной безопасности и Генерального штаба в Москве. «Нельзя ли разрешить одному-двум американским журналистам побывать на Камчатке?» И я рассказал, зачем это нужно. Мне ответили: «Нет, нельзя – военные базы». Но я был настойчив. Обязался сопровождать гостей, если им разрешат побывать на Камчатке, и в запретные места их не возить. Люди в погонах, поколебавшись, как принято у них говорить, «дали добро».

Но прежде чем втянуться в громоздкое дело: «американцы – на Камчатку, я – на Аляску», важно было не упустить случай хотя бы мельком взглянуть: что же это такое – Аляска? В 1988 году губернатор Аляски Стивен Коупер, с одной стороны, и президент Фонда социальных изобретений при «Комсомольской правде» Геннадий Алференко, с другой, в обход обычной долгой дороги через Вашингтон и Москву коротким путем через Берингов пролив устроили встречу эскимосов аляскинских и чукотских, разделенных до этого холодной войной. Окно на Аляску было прорублено. И это ускорило осуществление моих планов. Геннадий Алференко, участвуя в организации ответного гостевого десанта на Аляску с Чукотки, пригласил полететь и меня.

Неделя пребывания на Аляске усилила к ней интерес настолько, что свои планы я полушутливо сформулировал так: «Аляску надо увидеть, как следует рассказать об увиденном, а потом можно умереть».

Организовать путешествие даже при полном отсутствии в кармане валюты оказалось не так уж сложно. Для начала в Америке надо было найти охотников побывать на Камчатке. Они нашлись уже через неделю. (Спасибо за это моему давнему вашингтонскому другу Гранту Пэнделу!)

Спасибо Геннадию Алференко – он нашел деньги оплатить пребывание на Камчатке американцев, спасибо американцам – они в ответ взялись обеспечить мое пребывание на Аляске. Об этих моих друзьях вы прочтете в книге. А следующее «спасибо» я должен сказать «Комсомольской правде», отпустившей меня в дальнее странствие

с уверенностью, что бесполезным оно не будет. Спасибо живущим в Анкоридже Таки Хейзу и его жене Пэт. Познакомившись, мы стали друзьями. Дом Хейза стал для меня экспедиционной базой. Возвращаясь из разных уголков штата под крышу Таки и Пэт, я находил тут желанный приют. Ключи от дома были у меня в кармане. Можно было вернуться в любое время суток. А часто Таки встречал меня с автомобилем в аэропорту».

Это тот самый Таки Хейз, про которого Василий Михайлович рассказал в очерке «Таки Такич». Старший Таки там фигурирует с сыном. Мне тоже повезло узнать их обоих, потому что я как раз жил в доме Таки. Вероятно, что-то волшебное было в той поездке благодаря Пескову, потому что однажды, проснувшись рано и выйдя на крыльцо дома Хейзов в Анкоридже, я лицом к лицу (или – к симпатичной морде?) столкнулся с лосихой и ее лосенком, спокойно заглядывавших в огромное окно.

А вот кого я в Анкоридже в первый свой полет на Аляску так практически и не видел, так это самого Василия Михайловича. Он все время где-то путешествовал, хотя не знал английского, все время кого-то расспрашивал, всем интересовался. В результате и появились эти интереснейшие очерки о крае действительно поразительной красоты, который когда-то мы продали Америке...

Р. S. Но Аляска познакомила нас и даже сдружила с Василием Михайловичем: в полете, долгом, через Анадырь, край нашей земли, спать не хотелось. И мы как-то стали с ним рассказывать другу другу анекдоты, и это был такой своеобразный марафон, потому что Песков их знал просто бездну!

С тех пор многие годы любая наша встреча с ним в редакции начиналась с его вопроса: «Ну?» – то есть нет ли свежего анекдота.

Вот такая черточка к его портрету.

Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

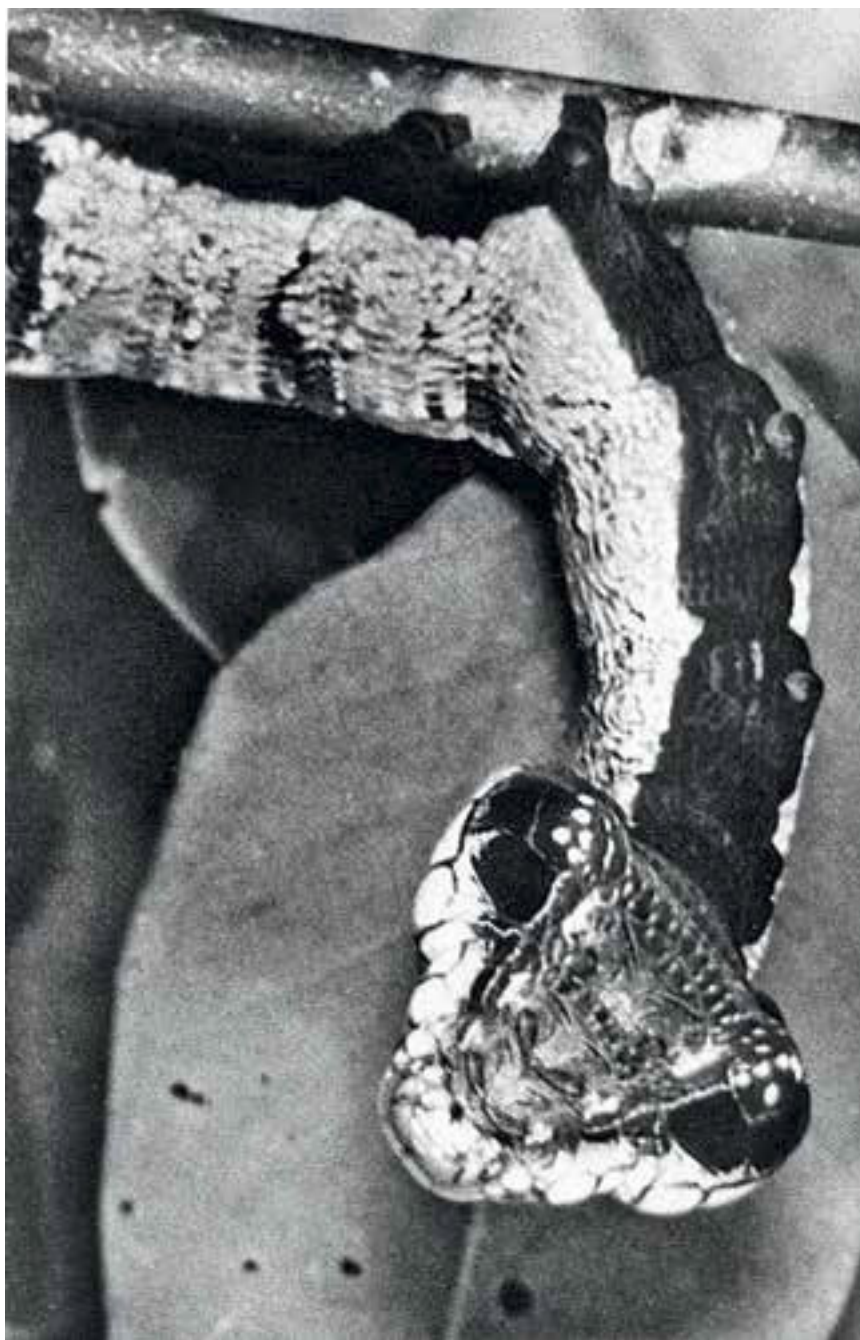
1987

Способы защититься Окно в природу

На первый взгляд, перед нами змея. Но, присмотревшись, видим: это всего лишь с устрашающим обликом гусеница...

Нападение и защита в природе достигли поразительного, виртуозного совершенства. Наиболее простой способ остаться незамеченным для хищника – слиться с окружающей обстановкой. Заяц-беляк, песец, горноста́й, ласка, тундрьяная куро́патка перекрашиваются на зиму под цвет снега, а потом снова одеваются под покровительственный наряд лета. Нас поражает сияние красок в оперении петуха. Куры, живущие под покровительством человека, тоже, бывает, сверкают нарядным пером. В природе же курочка всегда – ряба. Почти все самки птиц окрашены скромно, неброско. Это помогает им оставаться на гнезде незаметными.

Целый ряд животных – лягушки, ящерицы, хамелеоны – за короткое время изменяют цвет тела под цвет окружающей обстановки.

Множество насекомых окраской и формой тела имитируют листья, сучки, цветы, камешки, стебельки трав. Это пассивная, но довольно надежная защита. Создана она, конечно, не «умом» животных. В ходе длительной, миллионолетней эволюции какое-либо пятнышко в изменении окраски, какой-то случайный вырост на теле (мутация) вдруг оказались полезными, обеспечили лучшую выживаемость, закрепились, усовершенствовались и надежно служат животному. Покровительственная окраска и форма животных – пассивная их защита. Наиболее развита она у слабых и малоподвижных. Скрыться, спрятаться от врагов приспособлены многие. Но ведь и нападающий охотник за жертвой, чтобы выжить, должен иметь острый глаз, чуткий нос и навыки, чтобы находить свою жертву. Будучи обнаруженной, жертва уже не таится, а пытается, в свою очередь, уstrasшить нападающих – птицы ворошат перья, чтобы казаться больше, у животных поднимается дыбом шерсть. Если и это не помогло, остается либо спастись бегством, либо кинуться в драку. Эти средства защиты достаточно эффективны. И даже уступающий противнику в силе смелой атакой заставляя

его задержаться, опешить, потерять одну-другую секунду, а этого часто бывает довольно, чтобы выпал шанс выжить. И когда уже все линии обороны прорваны, крайняя форма защиты – притвориться мертвым. К этому прибегают многие из животных, но енотовидная собака, свиноногая змея и особенно живущий в Америке опоссум этой формой защиты особенно знамениты. Они терпеливо переносят укусы, трепку, имитируя смерть. Озадаченный хищник, привыкший к трепыханию жертвы в зубах, оставляет притворяшку-опоссума, а тот, улучив подходящий момент, исчезает.

Есть животные, защитой которым служит яд, неприятный запах или отвратительный вкус. Эти не прячутся. Напротив, они выставляют себя напоказ – «будь осторожен!», «я опасен!», «я несъедобен!». Симпатичная божья коровка, колорадский жучок, другие жуки, козявки, гусеницы, осы и пчелы, окрашенные в ярко-красные или в желтый с полосками цвет, почти всегда ядовиты или обжигаяще неприятны на вкус. Однажды схватив такую добычу, птица впредь уже будет ее избегать.

Ночным животным цветная предупреждающая окраска не нужна. Для обладающих черно-белым зрением ночных хищников лучше всего заметны черно-белые полосы. Их имеют барсук, дикобраз, скунс. Это все тот же сигнал: «я умею постоять за себя, не приближайся». Пренебрегший предупреждением хищник узнает крепость зубов барсука, наткнется на опасные иглы дикобраза или получит от скунса «выстрел» жидкостью с одуряющим запахом.

«Съедобно – несъедобно», «опасно – неопасно» – многие животные постигают это опытом жизни. Но есть и врожденные страхи. Облик человека, например. Его запах животные воспринимают со дня рождения как опасность. (Человек, в свою очередь, как опасность инстинктивно воспринимает облик змеи.)

Большие глаза совы, силуэт парящего в небе орла или мелькнувшая тень ястреба для многих – знаки опасности. И вот что интересно: некоторые совершенно безобидные твари этот страх перед сильными используют себе на пользу. Ярко, в подражание ядовитым, окрашены иногда и неядовитые гусеницы. Некоторые бабочки, не сбереженные покровительственной окраской, в критический момент поднимают верхние крылья, и птица видит на нижних рисунок, поразительно похожий на два громадных глаза совы. На мгновение птица отпрянет, и бабочка может спастись.

Некоторые птицы, живущие в дуплах, и даже коростель на лугу, защищая гнездо, вертят головой и шипят, подражая змее.

И вот особенно выразительный случай: гусеница бабочки, живущей в Южной Америке, – существо беспомощное, безобидное, но ведь даже и человек испугается, увидев ее змеиную голову.

Фото из архива В. Пескова. 8 августа 1987 г.

Змея в багажнике Окно в природу

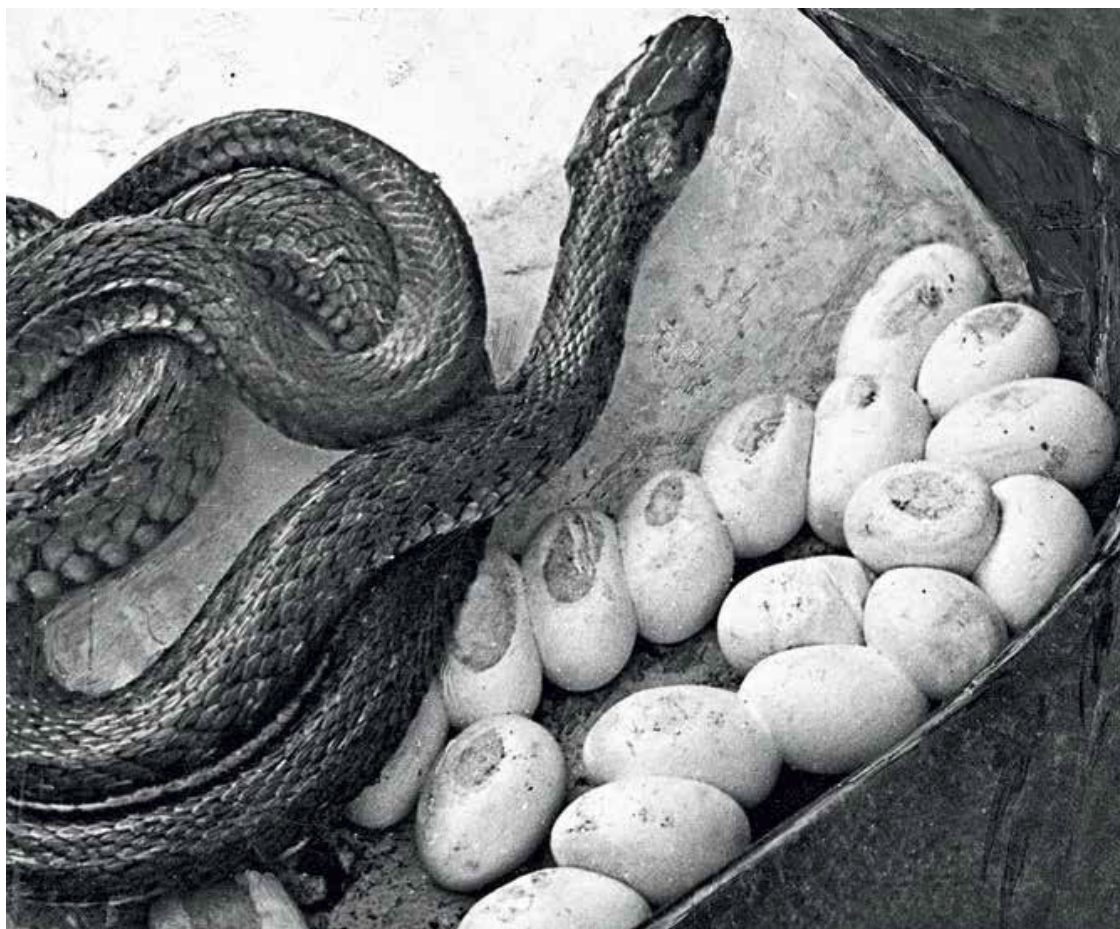
«Открыл владелец машины багажник, а в нем змея. Неопасная, правда, – обыкновенный ужак. Но багажник обжил он как следует – из кожистых мягких яиц начали появляться ужата. Скорее всего, багажник змея облюбовала где-то за городом. Заползла и пригрелась».

Это все рассказал нам читатель Василий Андриющенко (г. Артемовск), приславший снимок. Ситуация эта нередкая, пожалуй, даже характерная для нашего века – пути животных частенько пересекаются с техникой, и, бывает, небезобидным образом. На борту пассажирского лайнера, летевшего по маршруту Келимане – Мапуту, обнаружили полутораметровую кобру. Можно представить, какое столпотворение началось бы среди пассажиров, если бы опытный экипаж не сумел быстро обезвредить змею. Да что змея! Обыкновенная мышь на сутки там же, в Африке, задержала рейс пассажирского самолета. Мышь заметили на борту и долго ловили ее, опасаясь, что повредит проводку приборов. О таких случаях газеты обычно сообщают в разделе курьезов. Но маршал К. Рокоссовский в книге «Солдатский долг» рассказал об угрозе, какую создали мыши во время войны боевой авиации. В 1942 году по какой-то причине мыши расплодились в неимоверном количестве. Полчища грызунов наводнили поля и селения. Рокоссовский вспоминает о «мышинном тифе», туляремии, не миновавшей и летчиков. Но под угрозой оказались и самолеты – мыши пожирали обмотку электрических проводов... Всего одна мышь недавно принесла убыток в 300 тысяч марок автомобильному заводу «БМВ» в Мюнхене. В момент обеденного перерыва неожиданно включился главный конвейер. Стоявшие на нем десять автомобилей новейших марок превратились в металлический лом. Замыкание вызвала мышь, подточившая изоляцию проводов.

Парализовать технику могут существа и более мелкие. Электронщики как огня боятся появления тараканов. Замыкание в микросхемах – вполне им посильное.

Всех столкновений техники и животных перечислить немислимо. Орлы и аисты гибнут, замыкая провода линий высокого напряжения. Ежи и лягушки в громадных количествах гибнут на автострадах. В Новохоперске мне рассказали: на шоссе гибнут ужи, выползающие из болота на теплый асфальт погреться. Известны случаи, когда поезда останавливались, пробуксовывая на рельсах, буквально засыпанных божьими коровками. Дорожный знак «бегущий олень» требует к себе серьезного отношения. У лосей и оленей пути миграций и переходов стабильны. И лучше у знака притормозить, ибо столкновение обоюдоепасно. У меня хранится снимок, где туша лоса, пробив ветровое стекло, почти целиком оказалась в машине.

Особо опасны столкновения в воздухе. Обыкновенная утка или даже скворец могут «сбить» самолет, повредив его или заглотив двигатель.

Во всех этих случаях вины животных нет. Они живут своей жизнью, пользуются привычными путями передвижения. Обезопасить технику, свою жизнь и жизнь животных может лишь сам человек, предупреждая столкновения. Неразумно, например, строить аэродромы вблизи традиционных скоплений птиц. Привлекают птиц и свалки вблизи аэродромов. Электролинии конструировать надо так, чтобы птицы не гибли на проводах и не выводили из строя электросеть. На Севере строителям газопроводов приходится считаться с путями миграций диких оленей – делать специальные «арки» для прохода животных. В азиатских степях губительными для сайгаков кое-где становятся каналы с крутыми откосами. Классический пример нарушения жизненно важных для рыб нерестовых путей – создание на реках плотин. Сколько было в свое время благостных разговоров о лифтах-рыбоподъемниках. Но рыбы лифтами пользоваться не захотели...

Некоторые животные, как, например, кабаны, вороны, воробьи, тараканы, извлекают из сожительства с нами пользу. Другие животные попадают в ситуации, удивляющие или вызывающие сострадание. Хранитель усадьбы-музея в Михайловском Семен Степанович Гейченко рассказал, как к нему вышел барсук с банкой на голове. «На свалке вылизывал банку из-под варенья и сделался ее пленником». Дрозд в одном из европейских городов свил гнездо у стекла светофора и, оберегаемый всеми, благополучно вывел птенцов. Для синиц привычным стало вить гнезда в почтовых ящиках у домов. Очень умело вскрывают синицы бутылки со сливками и кефиром. (Считали, что это могут делать в результате обучения-подражания лондонские синицы, но я убедился, отдыхая в Пушкине, под Москвой, – наши синицы столь же сноровисты.)

Почти все животные техники не страшатся. На машине к лосю, оленю, кабану можно подъехать довольно близко. А гепарды в национальных парках Африки настолько привы-

кают с рожденья к автомобилям, что один из них прыгнул на наш «Лендровер» с единственной целью – с верхней точки глянуть: не пасутся ли где антилопы. Бобры нередко селятся рядом с шумной автомобильной дорогой. Ежи, если быть предупредительным и выставять блюдечко с молоком, охотно посещают дачные дворики. В Вашингтоне в парках и садах на окраине города рядом с человеком живут еноты-полоскуны. В Бонне рядом с многоэтажным домом на лужке под деревьями я видел парочку диких кроликов. Лисицы ухитряются жить даже между путей товарных железнодорожных станций. И так далее. Живая природа, на которую человек оказывает громадное давление, либо перестает существовать, либо как-то приспосабливается к соседству с нами, невольно создавая разного рода помехи. Человеческого ума задача, борясь с тараканами и регулируя численность некоторых животных, – быть терпимым к другим невольным нашим соседям, стараться избегать с ними конфликтов и столкновений и радоваться, что есть еще у человека соседи по жизни.

Фото из архива В. Пескова. 15 августа 1987 г.

Глаза Окно в природу

Иду опушкой. В тишине слышно: гремят слюдяные крылья стрекоз – глазастые вертолеты на скорости, с резкими поворотами хватают мошек и комаров... Над полем, навалившись грудью на ветер, на одном месте, как на нитке, висит пустельга. Ее дело – мыши в траве... А вот и еще один мышелов – одичавшая деревенская кошка суженными на солнце зрачками следит за краем стерни... Всем трем животным высокую точность в охоте, а также информацию об опасности обеспечивают глаза.

Великое разнообразие глаз! У всех позвоночных, включая и человека, устройство зрения в принципе одинаково – фокусирующее свет устройство, чувствительная к свету сетчатка, передающая импульсы в мозг. Но глаза у каждого существа видят окружающий мир по-разному, в соответствии с образом жизни.

У земноводных глаза выпущены. Скрываясь в воде, глаза, как перископы, держат они над поверхностью. Понаблюдайте за лягушкой. То же самое у крокодилов, у бегемотов.

У бакланов и пеликанов глаза одинаково хорошо видят и в воздухе, и в воде. Того больше, поверхностный блеск воды, ставящий завесу перед нашими глазами, не помеха бакланам и пеликанам. Они видят сверху, что происходит в толще воды.

А почему вертит головой вот эта сова? Оказывается, светосильная оптика, дающая возможность совам видеть в призрачном свете сумерек, требует глаз больших. У сов они так велики, что в голове не остается места для мышц, двигающих глаза. Глаза у сов неподвижны. Расположенные спереди головы, они дают прекрасное бинокулярное видение, необходимое для точного определения расстояния при охоте. Но скосить глаз сова не может. Она поворачивает всю голову, причем делает круговое движение и даже вот такое курьезное в случае, когда надо хорошо рассмотреть интересующий ее предмет. Бинокулярное зрение, очень важное для хищника, растительноядному зайцу не нужно. Траву к чему рассматривать? Гораздо важнее заметить опасность, с какой бы стороны она ни возникла. Глаза у зайцев расположены по бокам головы и обеспечивают почти круговой обзор. Так же устроено зрение у вальдшнепа, у травоядных антилоп... У древнежителя хамелеона каждый глаз поворачивается отдельно. Это дает возможность видеть перед собой, сзади, сбоку и точно определять расстояние, на котором можно выстрелить языком.

А как видит висящая в воздухе пустельга? Мы с такой высоты мышь не могли бы заметить. У хищных птиц глаз обладает «разрешающей способностью», в три-четыре раза превышающей человеческую. Птицы видят четче, острее. Кроме того, глаза соколов, например, действуют подобно биноклю, приближающему предметы.

Лягушке, сидящей на кочке возле воды, важнее всего не детали предметов, попадающих в поле зрения, а их подвижность. Движение для лягушки означает либо добычу, либо опасность. Ее глаза, остро воспринимающие горизонтальные и вертикальные линии, побуждают ее либо спастись, либо немедленно нападать. Живая, но неподвижная муха не задевает внимания лягушки. Но стоит мелькнуть даже фальшивой, на нитке подвешенной мухе, лягушка накрывает ее языком. Охотятся лягушки только на живые движущиеся объекты.

Свет и цвет... Все ли животные одинаково хорошо воспринимают цвет? Оказывается, нет. Дно глаза, мы знаем, выстлано сетчаткой, представляющей под микроскопом скопление «палочек» и «колбочек». «Палочки» очень чувствительны. Они улавливают мельчайшие частицы света, попадающие в глаза, например, тех же сов, лемуров, в глаза вот этого долгопята, поймавшего ящерицу, а также кошек. «Палочки» цвета не воспринимают, он ведь в сумерках все равно неразличим. Зато там, где мы видим только два светящихся глаза кошки, сама кошка видит бегущую мышь. Еще более чувствительны глаза сов и всех ночных хищников. Они видят в призрачном свете звезд и луны. И только в темноте совершенной полагаются лишь на слух. Значит, кошке безразлично, какой телевизор смотреть – черно-белый или цветной? Не совсем. Кошка – охотник сумеречный. Но мышь она поймает и днем. У нее хорошо активизированы и «палочки», и «колбочки». Стало быть, жизнь для нашего прирученного мышелова далеко не бесцветна. Но чтобы излишне не раздражались, не ослеплялись чувствительные «палочки», зрачок у кошки, понаблюдайте, подвижен. Он действует подобно диафрагме в фотографическом объективе: избыток света сужением зрачка не пропускается в глаз.

А отчего у кошки и других животных, ведущих ночной образ жизни, глаза в темноте светятся? Объяснение есть. Поток световых частиц ночью так жидок, что глаз экономно возвращает сетчатке частицы света, проскочившие мимо чувствительных «палочек», с помощью естественного зеркала-рефлектора. Таким образом, повышается чувствительность глаза и появляется в темноте видимое нам отражение.

Пусть незначительный свет – от луны ли, от звезд, – зрящим ночью животным он все-таки нужен. В совершенной темноте видеть они не могут. Но гремучая змея, хорошо видящая днем, видит и ночью. Как? С помощью «тепловых глаз». В ямках, как раз под глазами, воспринимающими свет, у змеи есть устройство, улавливающее тепловое излучение. Чувствительность его высока – улавливает разницу в одну сотую градуса. Таким образом змея видит мышь. Я не оговорился, именно видит. Тепловой приемник передает в мозг змеи очертания мыши, как это делают глаза днем. С помощью специальной техники удалось смоделировать этот процесс, и потому теплочувствительное устройство змеи называют «тепловыми глазами».

И присмотримся к стрекозе. Ни одно животное, если считать соразмерно телу, не имеет таких огромных глаз. Кажется, увеличить их еще хотя немного, стрекоза потеряет равновесие в полете. Устройство этих громадных глаз особое, оно свойственно насекомым и ракообразным. Фасеточные глаза! Изображение фокусируется на сетчатку не одной линзой, а множеством. Их тысячи и на выпуклых глазах мухи, что дает ей мозаичную картину окружающего пространства (все знают, как трудно прихлопнуть муху, с какой стороны ни замахивайся). У стрекозы же фасеточное зрение – предел совершенства. 27 000 линзочек проецируют на сетчатку глаза попавшего в поле зрения комара или что-то еще. Потому так легко и свободно с резкими поворотами носятся друг за другом или охотятся эти изящные существа.

Глаза любого животного получают столько информации из окружающего мира, сколько ему необходимо для полноценного существования и выживания.

Фото из архива В. Пескова. 5 сентября 1987 г.

Домик для крохалей Окно в природу

На эстонском острове Рухну, в единственной островной деревеньке, на деревьях возле домов я увидел в большом количестве изрядных размеров дуплянки, бочонки, ящики, даже духовку. Приглядевшись, понял: к пчеловодству эта «посуда» отношения не имеет, повешена явно для птиц. Но каких?

Заметив мое любопытство, пиливший дрова островитянин бросил работу и с такой охотой взялся все объяснять, как будто сорок с лишним лет жизни только и ждал желанной минуты.

— Понимаес, это для птиц... Ну утка такая — крохаль, как скворец, поселяется около дома. Ну что же, раз поселяется — пожалуйста, вот и дома выбирай.

Островитянина зовут Норм. Норм Эндель. Он родился на Рухну. Был рыбаком, электриком, председателем сельсовета. Делает дома крохалям с детства. Норм рад занять благодарного слушателя. Букву «ш» он произносит как «с». И его дружелюбная речь занята, как эти дома для птиц.

— Мы ребятисками, понимаес, соревновались. Кто больше повесит. Они, понимаес, тяжелые — приходилось веревку и блок применять. Я весал пятнадцать, и, понимаес, во всех селились.

— А что же это за птица, крохаль?

– Ну, понимаес, утка. Нос такой с крючком – рыболов.

– А в домики прилетают гнездиться?

– Да. Дырка должна быть большая. Птица эта, понимаес, с ходу, как пуля, влетает – ни провода месать не должны, ни ветки.

– Людей не боятся?

– Не-е... Живут, как скворцы.

– Что же, для радости к дому птиц привлекают?

– Можно сказать, для радости. Но мы и квартплату берем.

– ?

– Яйца берем. Не все, конечно. Оставляем крохалю десять, остальные – на сковородку. Так делали тут, на Рухну, всегда. Крохалей, понимаес, это устраивает. Ворон и галок мы прогоняем. А к человеку утки привыкли. Ставис лестницу... Ничего, опять садятся на яйца. Иногда, понимаес, в один ящик две утки яйца кладут. Это неудача для уток, а мне удача.

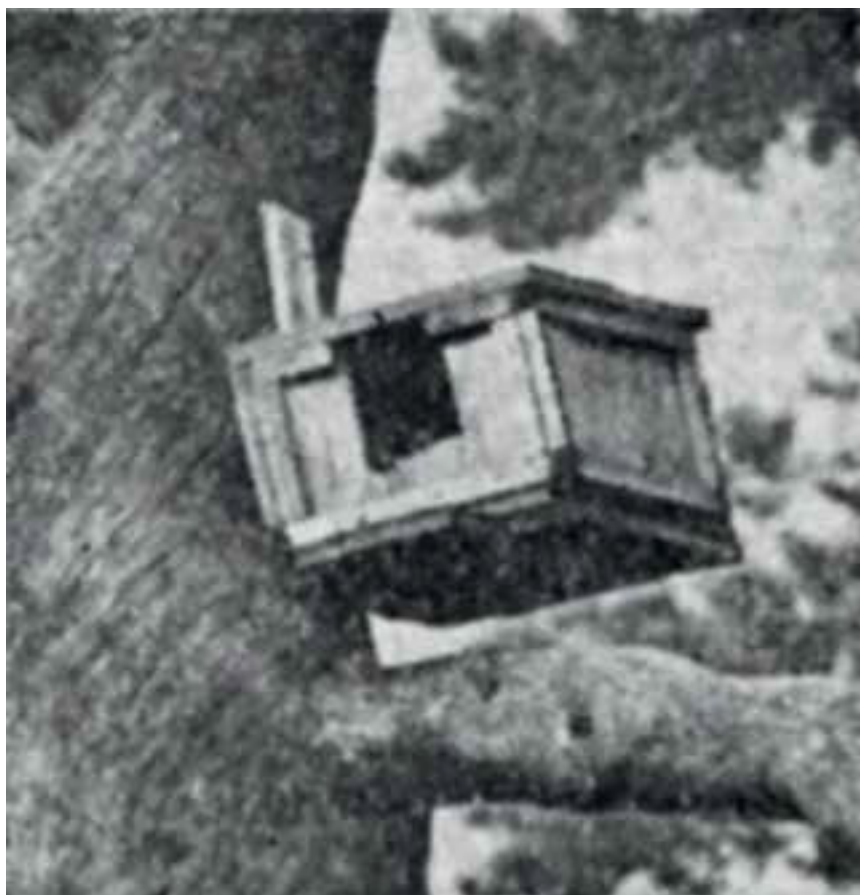
– Ну а вывелись малыши, как же с дерева вниз?

– О! Прыгают, как парасютисты из самолета. Мать внизу, подает голос, а они – один за другим. Подпрыгивают на земле мячиками. Мать, понимаес, умеет считать. Например, прыгнуло семь, а она все зовет, знает, исё один есть. Ну ставис лестницу, на руках спускаес трусиску. И мать ведет детвору к морю. Ведет по улице, по огороду. Вороны тут зверствуют, норовят малысэй похватать. Ну приходится с матерью проводить до воды. Так делают ребя-тиски и взрослые.

– Что же, только на Рухну крохали квартируют?

– Да нет, на всех островах, на Кихну, на Манилайде, Вилсанди. До войны, говорят, даже на Сааремаа были. Это, понимаес, интересное дело – иметь во дворе дикую птицу. Живет рядом с тобой и не боится.

...и домики для птиц.

Фото автора. 27 сентября 1987 г.

Осени середина Окно в природу

Самая середина. Все уже пожелтело, но не успело еще облететь. Погожие тихие дни разбавляют желтизну мира солнечным синим туманом. Утром туман так плотен, что, переправившись через канал и поднимаясь к селу Рождествено, вижу лишь силуэты двух говорящих людей. Почтальон, отдавая в крайнем дворе газету, делится новостями:

– Васька Поланин леща на четыре кило поймал...

– Васька умеет... – отзывается собеседник.

На проводах у дома стоя готовых к отлету скворцов по-весеннему свищет и верещит, но без азарта, вполголоса, предаваясь приятным воспоминаниям. В поредевших садах фонарями желтеют поздние яблоки, в рябинах пируют дрозды. Лежащее на взгорке село кудрявится всеми оттенками желто-бурого цвета, серебрится пушком диких трав на околице. Тропа от села желтой змейкой скрывается в пойменных крепях, где синей подковой притихла вода. Словно любуясь этим творением осени, скользит, сверкая на солнце ослепительно белым боком, сорока. Наигравшись, она вдруг круто, зигзагами падает в ивняки.

За двадцать шагов слышно, как пробегает мышь, как выдает шуршанье осторожный с приседанием шаг возбужденной охотой кошки.

– Да, дело идет к холодам. Мыши к жилью прибиваются – это уж верный признак, – наблюдая за кошкой, размышляет знакомый лесник.

Дом лесника огородами смотрит в бор, и на этой черте лесная жизнь встречается с деревенской, домашней. На лужайке возле дубов пасется корова, где-то за пеленой елок погромыхивает цепью лошадь, по пруду далеко в лес углубляются утки. Обитатели леса, тоже не признавая границы, навешиваются к жилью. Огород лесника изрыт кабанами, дрозды летают клевать рябину, сойка кормится возле кур. А недавно у соседей лесника и сами куры исчезли. Семь штук. Расследование показало: пока хозяйка дома была в отъезде, беспризорных птиц перетаскала лиса.

– Я ее знаю в лицо, – рассказывает лесник. – Иногда приходит на поляну и прыгает возле лошади. Любопытно ей, видишь, и неопасно. Раза три заставал. То прыгнет, а то лежит, наблюдает.

Еще летом был у нас уговор с лесником: по осени, в листопад проехаться на лошадке по лесам и проселкам.

– В самый раз появились. Не опоздали.

Идем за лошадью в лес. Тайно надеясь: и мне повезет увидеть, как лисица играет и любопытствует, – иду первым. Но Мальчик – мощный гнедой жеребец – пребывал на поляне в задумчивом одиночестве и, кажется, даже обрадовался, что предстоит ему поразмяться.

И вот едем лесом по дорогам когда-то торным, а теперь покрытым щеткой березняка, рябинок, кленов, кустами таволги и хвощом. Местами Мальчик тащит телегу по бочагам, покрытым ряской со следами кормившихся уток. То и дело пригибаемся на телеге, избегая упругих еловых веток. Сумрачно-молчаливое царство с черными облетевшими липами, с запахом дуба, холодком больших, как олады, листьев орешника. Возле болотца встречаемся с лосем. Лошадь зверю тоже, как видно, знакома – дорогу уступает неспешно, с любопытством оглядывается. Не шевелясь, мы долго наблюдаем мелькание в чаще белых лосиных «штанов».

А потом дорога идет веселой и теплой опушкой, повторяет извилистую границу леса и поля. Блестит на солнце стерня, калиновый куст согнулся под красной тяжестью ягод. Пустельга ныряет сверху в палые листья и взлетает с мышонком.

А дорога ведет между тем в деревню-малютку Поседкино. Пахнет яблоками, дымком. Как корабли инопланетян, стоят на единственной улице деревеньки ярко-красные и вишневые «Жигули». Метелкой из перьев владелица «Жигулей» сметает с машины листья и не скрывает шутиливой зависти:

– На лошадке! Куда хотят – туда едут...

Из дома с криком: «Лошадка, лошадка!» – выбегают две городские девчухи. Сажаем их прокатиться до края деревни. Потом вспоминаем с лесником детство. «Вот так же выбежали из дома с криком: «Машина, машина!» «Запах бензина, помню, нравился, как диколон...»

И опять опушкой идет дорога. На прогретой солнцем трубе у обочины греются, как на печке, две стрекозы. А шмелю тепла еще маловато – оцепенел в бархатной своей одежонке на мохнатом цветке татарника.

Запоздало цветет ромашка. И как чудо видишь вдруг желтое солнышко одуванчика – лазутчик мая прокрался в октябрь и сочно цветет в окружении желтых листьев.

Деревню Долгиниху объезжаем околицей. Наблюдаем издали, как молодой парень, по пояс голый, колет дрова. Виден удар. А звук от удара доходит к нам с запозданием. Знакомая с детства картина, но все равно интересно... А у крайнего дома старушки выясняют какой-то житейский вопрос.

– Дак ведь он литеран...

– Ну что ж, литеран. Я тоже в войну на Урале пушки лила...

И скрылась за бугром деревенька. Опять лес с терпким настоем дуба, аптечным запахом таволги и увядающих листьев... Нехитрый обед у костра на полянке. И приходит час с лесником нам проститься. На бумажке он чертит для меня тропу до ближней деревни, объясняет, где просить перевоза через залив.

Остаток дня – пеший. Иду по вечернему лесу, по деревне, где жгут опавшие листья, почти у каждого дома – дымный пахучий костер. И потом до отказа набитая электричка. Везут букеты последних цветов, кленовые листья, грибы, яблоки, саженцы, хрустит в рюкзаках капуста. Рыжий бойкий мальчишка везет в корзине совенка, и все в вагоне хотят на

него поглядеть. Душно. Открывают окошко. В него на скорости залетает желтый листок. Среди молодых веселая суматоха.

– Мой, мой! – ловит его девчонка и кладет в раскрытую книжку на память...

Бывают дни, которые хочется удержать в памяти.

Фото автора. 17 октября 1987 г.

Мельница у дороги Проселки

Она стоит у самой дороги. Проезжая по острову Муху, вы непременно притормозите. И с полчаса будете ходить, цокая языком. Мельница! И не макет для украшения пейзажа, а живая – вертятся крылья, поскрипывает дерево, по лестничке неторопливо спускается мукой испачканный мельник... Готовы поручиться, это сегодня единственное в стране чудо. Разноцветные «Жигули», как шмели на цветке, теснятся у мельницы. Ребятишки горохом выкатываются из машин – поближе увидеть то, что знакомо лишь по картинкам. Родители «живую» мельницу тоже не видели, степенно рассуждают о том, как быстро пробежало человечество путь от мельниц до самолетов, вертолетов, всяких там судов на воздушной подушке и «Жигулей». Кто посмелее и любопытней, ведут ребятишек по лестнице – заглянуть внутрь. Там видны громадные деревянные шестерни с кленовыми зубьями, виден вал, передающий от крыльев вращение жерновам. Из-под глухо ворчащих камней сыплется теплый размол зерна. Мельник дает понюхать этот размол, весело пачкает носы ребятишек мукой.

Волна машин подкатывается к мельнице после причаливания паромов, приходящих с материка. В час затишья между паромами мельник отряхнул с рубашки муку, отлаженным устройством притормозил крылья и прошел в деревянный «вигвамчик» около мельницы. Тут мы познакомились с ним поближе.

– Зовут меня Юрий, Юрий Линке. Человек я семейный, имею трех детей и одну жену. – Мельник прищурился – умеем ли ценить шутку?

Выяснилось: мельницу Юрий Линке построил сам.

– Просто так взялись и построили?

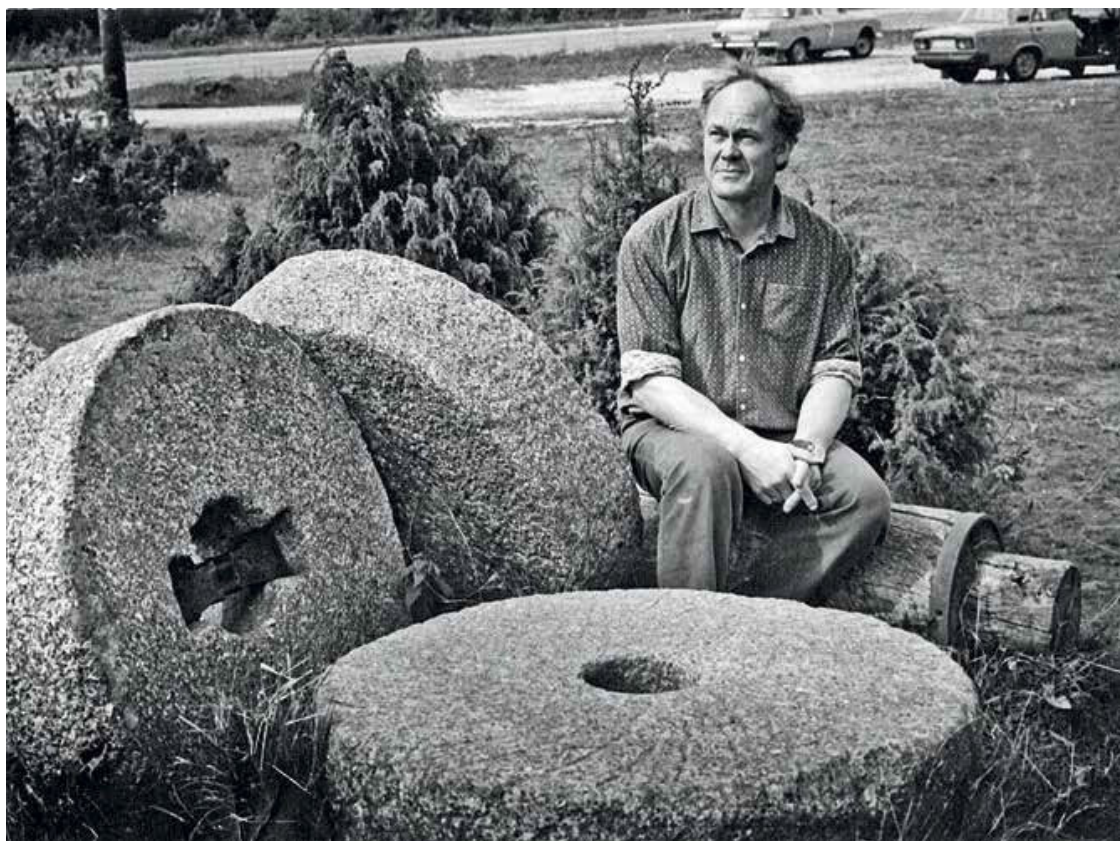
– Да нет, конечно, не просто так. Возникла потребность...

Эстония – край ветреный. Мельница была тут когда-то неременной частью пейзажа. На острове Сааремаа было восемьсот восемьдесят мельниц. На острове Муху – он меньше – в деревнях мельницей владел почти каждый двор. Кто побогаче, имел мельницу целиком. Победнее дворы держали мельницу на двоих – по два крыла. Самый бедный имел хотя бы одно крыло. Юрий не знает, сколько мельниц было всего за Муху. Двадцать из них еще держатся, но ни одна не работает. От остальных остались лишь каменная основа да жернова.

– Давно уже шли разговоры, мол, надо бы хоть одну мельницу сделать рабочей. Но мололи лишь языком. Так получалось...

– И вы взялись за топор...

– Погодите. Скажу сейчас самое главное. Я, понимаете, пил. Очень сильно. Ну, знаете, дальше некуда. Столярное ремесло, и кузнечное, и плотницкое забросил. Работал на пристани стивидором. Это такой человек – паром загружает. Жизнь протекала: работал, пил, спал. И, чувствую, для работы время стало уже сужаться. Как-то утром с похмелья – пьющие знают: в этот час себя очень не уважаешь – понял я, что живу не так, нельзя так жить. Нельзя! И решил завязать. Совсем. Ни капли больше! Жена не поверила, друзья на пристани глядели как на чумного. А я сказал себе: или пить, или жить. С выбранной точки я не подвинулся. И как будто заново на свет появился. Было это, между прочим, до того, как стали о пьянстве в газетах писать. Задолго до того – в 1973 году.

Юрий и жернова для его мельницы

– Вы разрешите об этом написать, рассказать?

– Не только разрешаю, прошу вас: обязательно напишите. Это полезно знать.

За мельницу Юрий взялся, как он сказал, «потому что руки чесались работать». Появилась потребность занять себя стоящим делом. Мельница – агрегат не слишком уж сложный. Однако и не простой. Юрий взялся за дело уверенно, потому что от деда и от отца перенял ремесло кузнеца, плотника, столяра, каменщика, знает слесарное дело, сварку, стоял за токарным станком.

– Все этими вот руками... Кое-какие средства были нужны. Но я рассуждал так: тратился на бутылки во вред себе, отчего же не потратить на пользу и себе, и другим. Помню день: созвал сыновей, засыпал зерна... И весело было глядеть нам, как мельница крыльями замахала.

Отправился после этого Юрий на остров Сааремаа, в Кингисеппский музей: «Вот мельницу сделал. Принимайте подарок». Подарок, конечно, с радостью приняли. Сделали Юрия Линке и мельником, и смотрителем экспозиции. Поставил он рядом деревянный «вигвамчик» и трудится в нем в моменты, когда волна любознательного люда на «Жигулях» стихает. Делает Юрий памятные вещички из можжевельника, на которых тут же паяльником ставит живописный рисунок-тавро – очертания мельницы и название острова. На работу Юрий имеет патент. Спрос на вещички, сделанные с редким изяществом, очень хороший. У Юрия есть свои «Жигули». Наверное, он мог бы купить даже «Волгу» – и дай ему бог! Но тратит деньги этот любознательный с золотыми руками эстонец своеобразно.

– Заезжайте к вечеру, я вам еще кое-что покажу. А сейчас оглядим как следует мельницу.

Мельница у дороги.

В отличие от мельниц голландских, у которых поворачивается лишь «шапка», этот эстонский ветряк поворачивается к ветру лицом весь целиком. Полотно на крыльях – как паруса. Слабый ветер – парусов больше. Помол – два мешка в час. Проблема с зерном. Его подвозят, но маловато – разучились печь хлеб по домам. Потому мелет Юрий зерно бесплатно, растягивая помол надолго, чтобы все проезжающие могли поглядеть, как действует дедовский агрегат.

– Самое долговечное в мельнице – жернова. Вот собрал на острове и привез сюда десять штук. По прикидкам, хватит лет на семьсот... Заезжайте вечером обязательно.

Вечером Юрий повез нас в деревню. Издали мы увидели возвышающееся над лесом странное сооружение, похожее на палубную надстройку большого военного корабля. Подъехали ближе – ветряк. Но какой! Над трехэтажной постройкой возвышалась башня из металлоконструкций, и на ней три крыла, каждое – метров пять.

– Тоже мельница?

– Заходите, заходите – увидите...

Начали мы, как верхолазы, с надстройки. Это было нешуточное сооружение, с лестницей и поручнями, сваренное из стального проката.

– Прежде чем браться за дело, съездил в Таллин, показал чертежи инженерам. Сказали: «Вари – устоит при любом ветре». И вот действует...

Мастер снял тормоз, и гигантский ветряк ожил, передавая вращение с крыльев-пропеллеров на уходящую книзу штангу.

На трех этажах помещения мы увидели царство шкивов, шестеренок, приводов, ремней. Силой ветра тут можно было пилить бревна, качать воду, вырабатывать электричество

напряжением в 380 вольт. Силой ветра питались станки: металлорежущий, строгальный, шлифовальный, для точки дерева. Тут мастер заготавливал плашки для своих сувенирных поделок из можжевельника. Они лежали пахучими аккуратными стопками на «столярной палубе» сооружения.

– Но для этого достаточно было бы обычного электричества от сети...

– Вполне достаточно. Это даже моя жена, продавщица, уразумела. Говорила все время: «Ну зачем тебе это надо?!» Однако умолкла, понимая: эта причуда все-таки лучше ежедневной бутылки. По здравому смыслу – чудачество. Но мне интересно. Все интересно: какую силу можно у ветра взять и как ее применить. По-ученому выражаясь, экспериментирую...

Все в громадном сооружении Юрий Линке сделал сам. Сложил мастерскую, накрыл ее, сварил остов конструкции ветряка, придумал способы съема энергии. Долго бился и сумел ликвидировать вибрацию, придумал автоматический режим ветряку. Он постоянно, как детская вертушка на столбике, «держит нос по ветру», при слабом напоре дает полтора киловатта электроэнергии, ветер покрепче – пять киловатт. Автоматически при сильном ветре переключается на пятнадцать киловатт, отдавая энергию в сеть.

– Целый исследовательский институт...

– Институт не институт, но голову поломать было над чем.

В комнате отдыха, которую мастер устроил для себя в углу мастерской, мы увидели громадных размеров стол, внушительной прочности и красивый – хоть завтра на выставку. Своей же работы стулья. Из натурального камня камин – «люблю глядеть на огонь». Шкафы, полки, отопление – все сам.

– Отец у меня владел десятью профессиями. Больше всего любил столярное дело. Говорил: «Столяр и на свадьбу обязан пойти со складным метром и с карандашным огрызком». Я как-то посчитал: владею пятнадцатью профессиями, но тоже больше люблю столярничать. Вот, поглядите, недавно придумал...

Мастер достал из шкафчика плошку с лесными орехами и положил рядом деревянный бубличек с деревянным винтом по диаметру.

– Кладешь орех. Пол-оборота – и орех треснул...

Милую эту штучку посетители мельницы могут купить в «вигвамчике». Она изящна, остроумно проста.

– Вышел спор у меня с очень знатным столяром. «Не получится, – говорит, – винт – сыпаться будет резьба». И правда, две недели возился – сыплется. Но вот добился. Возьмите себе на память...

Приятно было провести вечер с Мастером. Похвалу золотым рукам своим принимал он со спокойным достоинством. Еще раз попросил: «Писать будете – непременно скажите, что пил, мол, и бросил. Это важно сказать. Пьют ведь не только бездельники. С пути сбиваются и хорошие люди. Мой пример для них – точка опоры».

Уже на прощание, подкидывая в камин поленьев, Юрий спросил: дойдет ли «Комсомольская правда» в Анголу?

– ?

– Да, понимаете, сын там работает. Ну и приятно, прочтет об отце...

Уезжали мы из деревни Мастера уже с зажженными фарами. Оглянулись с дороги. Громадный ветряк, перекрывая лопастями луну, работал. Это значило: телевизор, лампочки, холодильник в доме Юрия Линке были живы энергией тихо дувшего с моря ветра. А возможно, работал еще и станок – вечером Мастер любит точить свои деревянныешки.

А ветряк мукомольный возле дороги дремал. С крыла его тихо скользнула в кусты сова, караулившая тут мышей.

Фото В. Пескова. В. Песков, И. Тетерин. 24 октября 1987 г.

В Бёхове над Окой Окно в природу

Лет десять я не был в Бёхове, живописном селце на Оке. Память хранила серебристый изгиб реки, высокий увалистый берег с погостом, окаймленный чередой берез, рассып рубленых изб по увалам. И вот опять иду над рекой. Все на месте. И есть перемены. Вот дом, где встретил я деревенского скульптора, рубившего тут у крыльца окский камень в память погибших в 41-м году. Теперь на погосте увидел печальную пирамидку на могиле самого мастера – портрет на фарфоровом кругляше и фамилия: Федор Куржуков. Я снял шапку, припомнив все подробности давней встречи. Это была минута грусти с мыслью о том, что вот так же тихо, блестя на солнце, Ока будет течь и после каждого из нас, так же будут суетиться дрозды на рябинах, будет пахнуть осенним дымком...

Я надел шапку и обернулся, теперь уже с радостью, к тому, что увидел в середине деревни. Десять лет назад тут лежали руины церквушки – битый кирпич, остатки стен, изогнутые прутья железа, все знакомое и привычное по другим уголкам деревенской России. Но тут развалины особо ранили сердце, потому, во-первых, что лежали они на заметном, особенно живописном месте и потому еще, что церквушка была наряду со школой построена в дар деревеньке Василием Дмитриевичем Поленовым, замечательным русским художником, окончившим тут, на Оке, свои дни. Церковь была построена по проекту художника. В ней так же, как в Щусевской церкви на Куликовом поле, нет следования архитектурным канонам. Поленов руководствовался соображением красоты, соединив европейскую готику с византийским округлением купола и ритмикой кровельных плоскостей. Все это я видел теперь, любуясь строением. Ранее в безобразных развалинах немислимо было угадать формы. Крышей тут было небо. Под своды летом от жары пряталась деревенская лошадь. Кирпич растаскивали для печей...

И вот чудо. На зеленом приокском взгорке стоит, «веселуется», как написано было кем-то из древних странников, возрожденная почти что из праха постройка. Я обошел ее вдоль

забора, сложенного из окского камня, заглянул в щелку ворот – все в образцовом порядке. По тропе от автобуса девушка вела экскурсантов. Галопом к реке по жухлым, побеленным морозом травам проскакала черная лошадь. Почти сказочное превращение представляется человеку, долго тут не бывавшему. Но для кого-то эта постройка ведь особенно дорога, кто-то отстоял, доказал необходимость ее возрождения. И кто-то, терпеливо прикладывая камень к камню, кирпич к кирпичу, ее обновил.

С внуком Поленова, нынешним хранителем заповедной усадьбы, Федором Дмитриевичем Поленовым, мы пришли в Бёхово утром другого дня. Постройка в середине деревни была опять обласкана солнцем. Белая ее строгость приглашала к аккуратности все, что ютилось тут на холмах.

«Изначально церковь была поставлена скоро. Набросав рисунок постройки и определив для нее место, мой дед, как рассказывают, послал на кирпичный завод под Серпуховом записку, сколько надо доставить сюда кирпича. На другой день первые подводы с грузом уже прибыли. Было это в 1907 году... По фотографиям тех лет мы и взялись восстанавливать дедовский дар».

Восстанавливалась церковь много дольше, чем строилась. И не только потому, что перестраивать, восстанавливать всегда труднее, чем строить заново. Не все, не везде еще понимают, что церковь в кремле Рязанском, Московском, на погосте в Кижях, на реке Нерль под Владимиром или в Бёхове над Окой – памятники культуры, истории, человеческого мастерства. Перелом в понимании этого рода ценностей сделан. Былой закоснелости уже нет, и все же Поленову-внуку и его жене-сподвижнице Наталье Николаевне Громолиной изрядную долю немалых трудностей пришлось испытать. Стоя у возрожденного памятника, мы обязаны с благодарностью думать о тех, кто строение возводил изначально, и тех, кто его обновил, продлил его жизнь.

Мои размышления на эту тему у бёховской церкви Федор Дмитриевич Поленов остановил.

– Давайте в первую очередь отдадим должное тем, кто разбирал тут битый кирпич и сделал все до последней чешуйки на кровле.

Бёховский памятник возрожден руками молодых доброхотов-энтузиастов, приезжавших сюда из Москвы. Главным образом это были студенты различных московских вузов, находившие тут, в Бёхове, выход молодым силам и проходившие, как теперь понимаешь, школу гражданственности. Работы тут было много – пыльной, утомительной, долгой. «Но никто не роптал. Работали, как говорили в старику, «почти что за одни харчи». Жили дружно, с единой целью «сделать все по-людски».

Имена... Федор Дмитриевич называет по памяти: Саня Попов, Саня Савелов, Валерий Микуло, Игорь Русакомский, Раиль Канафьин... Большинство учились в технических вузах и стали теперь инженерами, конструкторами, учеными. Но у каждого еще и бёховская профессия – каменщик, кровельщик, плотник, кузнец. Этими профессиями они гордятся не меньше, чем основной, вузовской.

А несколько человек, почувствовав вкус к реставрации, круто изменили путь жизни. Подлинный герой бёховской стройки – Попов Александр – параллельно с техническим вузом закончил учебу в архитектурном и, став реставратором, на этом поприще добился уже уважения и известности.

Федор Дмитриевич вспоминает своих помощников и питомцев с любовью, сопоставляет «бёховские семестры» с бездумным, беспечным времяпрепровождением кое-кого из нынешних молодых. «Посмотришь: барабаны, магнитофоны – весь пар уходит в свисток. А тут этим паром крутили колеса. В нужное время ребята узнали, что такое мозоли, каков вкус хлеба после тасканья камней. Эти уроки в молодости ой как нужны человеку!»

Реставраторы памятников, даже опытные, профессиональные, качеством работы не всегда радуют. Постройка же в Бёхове государственной комиссией была принята на отлично. «Ребята, ведь можем!» – не удержался кто-то из самых юных, когда принимали работу.

Вот такая человеческая история стоит за поднятым из руин памятником на Оке. С Федором Дмитриевичем мы обошли бёховские холмы, прошли по овражным зарослям ветел, рябин и хмеля, поднялись по ступенькам на белую колокольню, осмотрели потом выставку известного московского живописца в не очень большом и совершенно «мирском» помещении церкви и взошли на погост над Окою.

С фотографии на фарфоре глядел на нас Федор Куржуков – деревенский мастер, обучавший тут москвичей обращению с камнем. Тут же рядом могила Поленова – простой деревянный крест и букетик последних осенних цветов. В этом году минуло шестьдесят лет, как погасла свеча славной человеческой жизни. Память о ней хранится в живописных полотнах; в доме, где жил художник; в роще, посаженной им у Оки. И теперь вот, украшая окский пейзаж, «веселуется» на холме в дар нам оставленная постройка.

Фото автора. 21 ноября 1987 г.

Лось Окно в природу

Это самый крупный и самый заметный зверь наших европейских и азиатских пространств. Все, кто бывает в лесу, хотя бы раз в жизни лося встречали. Иногда, правда, видишь его лишь мелькнувшим в чащобе. Но бывает, зверь стоит вот так, на открытой поляне, и тогда даже скромный пейзаж одухотворяется красотой, мощью и жизненной силой зверя. Когда он, спугнутый, побежит – им любишься еще больше. Длинные ноги несут громадное тело с легкостью, им нипочем даже метровая толща снега.

Когда-то лоси обитали повсеместно в Европе и Азии, населяя не только леса. Наскальные письма наших далеких предков повествуют о давних охотах на лося. Превосходное мясо, шкура, кости, рога – все шло в дело во все времена. Рог лося ранним землепашцам служил сошником. Сегодня рога – желанный трофей для охотника. И все, наверное, слышали о лосинах, прочных белоснежных штанах офицеров позапрошлого века. Эта экипировка стоила шкуры многим тысячам лосей. В Западной Европе зверь был полностью истреблен. В европейской части нашей страны его численность от бесконтрольных охот резко упала. В Московской и прилегающих к ней областях после революции насчитали менее тридцати лосей. Строгие меры охраны позволили лосю быстро размножиться. К 1965 году на 1000 гектаров лесных угодий Европейской России уже приходилось до двадцати, тридцати и даже сорока зверей. «Перепроизводство» стало угрожать лесу. Активной охотой численность лося была доведена до десяти на тысячу гектаров. И примерно на этом уровне держится. Подсчет приблизительный, но полагают, на территории страны живет сейчас 700 тысяч лосей. Любопытно, что зверь держится не только в лесах. На севере встречаешь его в лесотундре, на юге – в лесостепях. Лесные посадки привлекли лося даже в степные районы. Однажды «таежника» видели пьющим воду Азовского моря.

Питается лось лесными травами, корой и ветвями деревьев. В самое трудное время, зимой, лось все же вдоволь находит еды, посещая заросли ивняка в поймах рек и сдирая кору с осин. Я видел однажды лося в одичавшем саду – хрумкал яблоки, видел кормящимся возле опушки на клеверах, видел, как, став на колени, молодые лоси поедали грибы, не избегая и мухоморов.

У сильного зверя главный враг – люди. Доверяясь чутью и тонкому слуху, лось умело избегает сближения с человеком. Но дальнобойное нарезное оружие и охоты законом оставляют лосю немного шансов уберечься от пули.

Лось человека боится панически, но годы строгой охраны эту боязнь притупили. Лет пятнадцать назад в Подмосковье к лосю можно было подойти очень близко. Нарушив пределы сближения, несколько раз я спасался от зверя заячьим бегом и залезая на дерево. Оружие лося – мощные передние ноги с копытами. Ударом их зверь может проломить череп даже медведю. Волки, охотясь на лося, это оружие хорошо знают и ведут себя осмотрительно. Известен зафиксированный на киноплёнку случай: более двадцати волков, покрутившись около лося более часа, ушли восвояси. Здорового, крепкого зверя одолеть им непросто. Но молодого лосенка, старого или больного лося волки берут легко.

Мельница у дороги.

В сентябре во время гона возбужденные лоси-самцы теряют осторожность. Откликаясь на призыв соперника (приглушенное мычание), лось может выйти и на звуки нехитрого подражания. Я несколько раз таким образом подзывал зверя, сделав засаду для фотосъемки.

В начале лета оставленные матерью молодые и еще неопытные лоси, совершая свойственные им миграции, нередко оказываются пленниками городов. Попытки спасти их почти всегда неуспешны – испуганный зверь погибает от шока.

Но этот дикарь, как никакой иной зверь, хорошо приручается. Взятый из леса в первые два-три дня жизни, лосенок крепко привязывается к человеку. И замечено это давно. Известно много случаев приручения лосей и попыток использовать их в хозяйстве. В Швеции одно время на лосях возили почту. Запрягали в сани зверей и ради забавы – Петр I в одном из указов запрещает пугать горожан быстрой ездой на лосях. На лосях пытались, не очень, правда, успешно, пахать. И очень подходящими оказывались ручные лоси для переноски лесами вьюков. Полагали, что постепенно лось для тайги станет тем же, чем стала для человека лошадь в средних широтах, ослик с верблюдом – на юге. Техника, потеснившая лошадь, остановила работы и по приручению лося. Но не совсем. На Печоре и в Костромской области сохранились две фермы, где держат лосей – изучают их биологию, поведение, пытаются применить для лечения их целебное молоко. Время покажет, нужны ли человеку лоси ручные. Что же касается дикой природы, то этот лесной великан – ее украшение. Встречи с ним помнятся долго.

Фото автора. 29 ноября 1987 г.

Соседи Окно в природу

Лисицу все знают, а эту красную утку огаря можно увидеть лишь в южных, степных и пустынных районах. Живет она в норах, чаще всего в брошенных лисьих. Но, как утверждают, не только в брошенных. Иногда жилище лисы с отнорками и запасными выходами служит коммунальной квартирой и зверю, и птице. Из подземелья каждый отправляется по своим делам. Лисица не пытается охотиться за огарем, не трогает ее кладку яиц. И огарь лису не боится. Вдалеке от норы лиса, наверное, не прочь прищучить потерявшую бдительность утку, но возле норы и в норе – мир и согласие.

И это не единственный случай удивительного соседства. Иногда под землей живут рядом барсук и лиса. Чистоплотный барсук с трудом, правда, терпит неаккуратность лисы. Говорят, она даже пакостит у норы специально, чтобы выжить хозяина. Громадные гнезда орлов бывают иногда нашпигованы гнездами воробьев. В Новой Зеландии похожие на ящериц древнейшие существа туатары поселяются в норах, где живут буревестники. Иногда туатара покушается на кладки яиц буревестника, но случается это редко, и сожительство остается терпимым. Возможно даже, что обе стороны извлекают из него выгоду. Белые гуси на острове Врангеля, например, стремятся селиться поближе к гнезду полярной совы. На первый взгляд, такая близость противоестественна. Но сов на острове интересуют лишь мыши. К тому же вблизи гнезда или логова хищники не охотятся. Выгода же поселиться у гнезда сов состоит в том, что, не подпуская близко песцов, белый совин защищает от них и гнезда гусей.

Примеры сожительства разных существ – показатель того, как тесно сплетены нити жизни, какие неожиданные узоры они образуют, как хорошо в природе все притерто, отлажено, приспособлено к выживанию.

Фото автора. 6 декабря 1987 г.

Чарующий звук Окно в природу

Посмотрите на снимок. Звуки виолончели заставляют собаку принять блаженную позу, закрыв глаза, она слушает музыку, она наслаждается звуками.

Случай не исключительный. У нас в селе я знал собаку, прибегавшую на звуки гармонии, а на Севере слышал рассказ про пса, питавшего исключительную любовь к песне «Валенки» в исполнении Руслановой. Когда летчик, владелец собаки, ставил пластинку, собака радостно подвывала. Этот «номер» собирал множество любопытных, но собаку зрители не смущали.

Собачий или волчий вой воспринимается нами без радости, но очень возможно, что, кроме сигнального назначения, вой этих животных – то же самое, что для нас песня. Наблюдая за стаей волков, жившей в неволе, мы с зоологом Георгием Георгиевичем Шубиным частенько по вечерам или ночью голосами провоцировали волков «попеть». И они отзывались всей стаей.

Гармония звуков, их тональность и ритм способны достичь чувствительных струн у многих животных. Замечено это давно. Крысолов, увлекающий грызунов звуками дудочки, — отнюдь не легенда. Недавно страсть крыс следовать за дудочкой была продемонстрирована перед кинокамерой польским зоологом. Чем-то привлекают животных звуки волынки. Описаны случаи, когда разъяренный бык немедленно успокаивался, услышав волынку. В Харьковской филармонии хор канареек вел свою партию в сложном оркестре, включаясь и замолкая в нужных местах. Чарующему нас пению соловья, варакушки, жаворонка, дрозда и многих иных птиц зоологи отводят роль сигнальной системы — «это моя территория». Но вряд ли только этому назначению служит сложная гармония звуков. Если она существует, значит, кому-то она предназначена, кто-то чутко слышит ее, откликается, сопереживает, радуется. Отнюдь не человеку ведь предназначена весенняя дробь дятла и россыпи соловьиной трели в черемухах.

В толще океанской воды поют киты. Мощные звуки этих животных слышны собратьями на сотни километров. И когда лет двадцать назад зоологи их записали, то поразились их гармоничности, музыкальности.

Любопытно, что музыкальные интересы проявляют и те, кто способен только рычать. Не раз наблюдали медведей, которые, дергая лапой отщепы сухостоя, прислушивались к вибрирующим звукам. Наблюдали медведей, бросающих на молодой лед камни. Нежный затихающий звук «те-те-те», хорошо нам знакомый, оказывается, приятен и для медведей.

«Коровы дают больше молока, если в момент доения они слушают классическую музыку», – об этом сообщили ученые университета в американском городе Мэдисон. Прибавка молока составляет 5 – 10 процентов. Пробовали прокручивать для тех же коров пленку с записью рок-музыки, результаты были обратными – надои резко снижались. И коровам, стало быть, небезразлично, какие звуки ловят их уши. Ушедший в небытие пастуший рожок будил, наверное, не только крестьянок, но взбадривал, побуждал поспешить со двора и коров.

Влияние на животных звуков, в частности звуков, гармонично сочетающихся, сейчас изучается. Есть тут и неожиданные открытия. Недавно жительница штата Нью-Йорк, созывавшая людей на обед с помощью охотничьего рожка, заметила: как только раздавались звуки, с кленов дождем сыпались гусеницы. Неожиданный феномен решили проверить во фруктовом саду, также атакованном гусеницами. Результат повторился. Об этом открытии известили сельскохозяйственную академию США. И сейчас тщательно изучается влияние звуковых волн на гусениц. Предстоит уточнить, почему при звуках рожка цепенеют и падают с веток столь несложно устроенные существа.

Одно несомненно: ритмика и гармония звуков способны воодушевить, заставить испытать наслаждение или повергнуть в транс не только одного человека. Всяк имеющий уши – слышит. И у многих на звуки отзываются чувства.

Фото из архива В. Пескова. 13 декабря 1987 г.

В Риме, у Колизея... Окно в природу

Собор Святого Петра, площадь Испании, фонтан Треви, Пантеон, Колизей, руины античных построек... Список всего, что хотелось увидеть за два-три дня попутного пребывания в Риме, не был исчерпан, но я застрял с фотокамерой около Колизея. Причиной тому были... кошки.

Беспризорные кошки есть в любом городе. В Риме около Колизея сложился особый кошачий мир, некое «живое приложение» к всемирно известной постройке. Турист с волнением взирает на чашу древнего цирка, воображает, как тут рыкали львы, звенели мечи и как ревели трибуны.

Дно Колизея представляет собой узорный кирпичный лабиринт проходов и закоулков, по которым на арену выгоняли людей и зверей. Сейчас тут можно услышать мяуканье, а дерутся тут, с подобающими Колизею воплями, только коты-соперники.

Каменные руины с арками, нишами, укромными уголками стали для кошек идеальным убежищем. Но они отнюдь не хоронятся в этой изъеденной временем цитадели. Они все время «на людях». И если все городские беспризорные кошки выходят на промысел ночью, эти, напротив, кормятся, развлекаются и экскурсируют днем, вызывая всеобщее любопытство. Они смело идут к туристам, присевшим на камень, и всем своим видом демонстрируют: «мы собираем дань». Они по-хозяйски обследовали, обнюхали мою фотографическую сумку и, не найдя в ней ничего привлекательного, переключили внимание на старушку, пришедшую, как видно, их покормить специально. Скорее всего, старушку они уже знали, потому что шмыгнули к ней под колесами конного фаэтона с туристами.

Несомненно, тут сложилась уже своя иерархия – сильному первый кусок. Сила правит тут и любовью. Амуры кошачий мир посещают средь белого дня. Матерые полосатые ловеласы и молодые плейбои фыркают, оцетинясь, под ногами туристов и победу празднуют тут же, у наружной стены Колизея.

Котяток кошки рожают где-то в недрах руин. И только уже окрепших, зрячих выводят «в свет». Таким образом, с юных когтей житье в Колизее принимают кошки как данность судьбы, и любая другая жизнь им показалась бы скучной. Подачки людей, охота на крыс, на потерявших бдительность голубей и вольная воля во всем – что еще нужно полудикой кошачьей общине?!

А Рим, как и в древности жаждущий зрелищ, терпимо относится к обитателям Колизея. Кошек на фоне древних камней снимают туристы, даже в фильмах их подают как деталь, для Вечного города характерную.

Сколько тут кошек? Вряд ли это кому-то известно. Снимать их было легко. В любую сторону повернулся – кошки. Погладить себя они не дают. Но и страха в них нет никакого. Осторожность полудиких существ. Чуть что – в три прыжка к себе в Колизей.

Кошки в Колизее – хозяева.

Фото автора. 19 декабря 1987 г.

41

Дракон Окно в природу

За годом Зайца в восточном календаре следует год Дракона... Дракон – существо сказочное, что-то вроде нашего Змея Горыныча. Есть, однако, в природе ящер, за которым прочно укрепилось название «дракон». Облик, давность обитания на земле, а также совсем недавнее сенсационное открытие ящера сделали его героем документальных фильмов, научных исследований, популярных книг и статей. Нет зоолога, который не мечтал бы увидеть дракона там, где он живет, – на четырех маленьких Зондских островках (Индонезия).

Обнаружили ящера так. В 1911 году голландский летчик на первобытном аэроплане потерпел катастрофу над морем, но спасся, прибившись к острову Комодо. Вернувшись в человеческий мир, пилот стал рассказывать, что видел на острове гигантских ящериц, поедающих кабанов и оленей: «Истинные драконы!» Первые слушатели этих рассказов переглядывались, крутили пальцем у виска: после аварии-де не такое привидится. «Если чудовища существуют, то уж, наверное, люди бы знали о них!»

Но чудовища в самом деле существовали. Описание их в 1912 году произвело сенсацию. Казалось бы, все на земле уже известно, снято, измерено. Но вот находка, да какая – обнаружилась самая крупная из всех существующих на земле ящериц. На остров Комодо одна за другой устремляются экспедиции.

Теперь о драконе известно много. Старейший жилец на земле, ровесник ископаемых динозавров. Они вымерли. А дракона природа без всяких помех «штампует» уже 160 миллионов лет. Впечатление, произведенное открытием, было громадным. По первым описаниям, это был ящер «длиною до шести метров». Вскоре установили: размеры дракона не превышают трех метров. Но это тоже немало.

Древнейшее существо не боялось людей. Кинооператоры и фотографы рисковали дотронуться до его серовато-коричневой, покрытой роговыми чешуйками кожи. Но это была

немалая смелость. У выложенных для приманки оленей и буйволов ящеры вырывали из боков громадные куски мяса, глотали кости, копыта. «Острые, как пила, зубы буйволиную кожу рвали, как будто это была бумага». Сильные лапы драконов кончались когтями. Хорошим оружием был и хвост, которым ящер «способен переломить ногу лошади».

Были в первых рассказах о живом ископаемом и небылицы. Но постепенно все прояснилось. Оказалось, живет дракон не только на острове Комодо, но и на трех других маленьких островках. Однако это было единственное на земле место, где они обитают. Ящер сразу был взят под охрану и пристально изучается.

Выяснилось: питается животное мясом оленей, кабанов, обезьян – поедает их трупы, нападает на больных и ослабших. Последние данные говорят о том, что здоровое сильное существо, прозевавшее скрытое приближение ящера, тоже может стать его жертвой. «Даже у буйвола дракон вырывает из тела громадные куски мяса, к тому же рана заражается ядом гниющих остатков на зубах хищника». Поедают вараны, обшаривая землю, также всякую мелкую живность: крыс, птичьи яйца, птенцов в гнездах, прибрежных мелких животных.

К приманке, выложенной кинооператорами, пировать собирается иногда несколько ящеров сразу. Случаются драки. Но регулирует все иерархия – более слабый ждет, пока насытится сильный. Самок же сильный самец не гонит.

У каждого из варанов есть свои тропы на строго определенном жизненном пространстве. Убежищем ящерам служат глубокие норы в рыхлой земле и в щелях между камнями. Когтистые сильные лапы – прекрасный роющий инструмент.

Исследуя окружающий мир, варан полагается главным образом на обоняние и осязание, ощупывая все длинным раздвоенным языком. Слух и зрение у него тоже в порядке, но играют меньшую роль. Дракон хорошо плавает, подняв голову над водой и прижав лапы. Хвост служит ему веслом и рулем.

После спаривания мамаша-дракон кладет в рыхлую землю два с половиной десятка кожистых крупных (размером с гусиное) яиц. В положенный срок вылупляются варанчики, и, предоставленные сами себе, они начинают бороться за выживание. Растут медленно. Живут, как полагают, 50–60 лет.

Зоопарки мира готовы платить за драконов какие угодно деньги. Но не все древнежиители хорошо переносят транспортировку. Страшно прожорливые в природе, в неволе вараны нередко отказываются есть. Но те, кого волнение не погубило, становятся покладистыми, узнают служителей зоопарка, позволяют себя помыть и почистить.

Парочку этих драконов я снял в зоопарке Сиднея. Помню, стоял у вольера довольно долго. Пришельцы с острова Комодо, как изваяния, застыли вот в этой позе чем-то вызванного любопытства. Ящеры были подарены зоопарку правительством Индонезии. Это был щедрый подарок, ибо всего посланцев древних времен в природе живет едва ли больше двух тысяч.

Фото автора. 1 января 1988 г.

Охотник и мусорщик Окно в природу

Зимой мы часто видим ее следы – четкая, как на швейной машинке прошитая, линия. След совпадает с лыжней – легче бежать. Ухо на этой магистральной дороге держит лисица востро. Один скачок в сторону, еще один. И вот глубокая ямка в снегу – капли крови, растрепанное мышиное гнездо... За пятнадцать – двадцать метров слышит лиса под снегом мышинные пiski, точно определяет место и роет снег так, что белый фонтан взвивается кверху и только хвост остается снаружи. Закусила. И опять держит уши топориком, вся – подобна пружине.

Мыши – главное пропитанье лисы. Но может она прищучить и потерявшего бдительность зайца, и утку, не пощадить гнезда на земле, заберется в курятник. Она охотно ест виноград, опавшие груши, мягкие кукурузные зерна, даже подсолнечные семечки. Однако главное – мыши и другие разные грызуны. И поскольку мелкоты этой повсюду на земле много, лисица живет на огромных пространствах: в Европе – от северных окраин до Сицилии, в Америке – от Канады до Калифорнии. В нашей стране мы встречаем ее повсюду – в европейских лесах, в сибирской тайге, в тундре, степях и горах. Она не боится островных территорий и заболоченных низменных мест. А в горах ее видели на высотах до 4500 метров. Лиса одинаково хорошо переносит большие морозы и не боится жары. При весенних больших разливах она спасается на деревьях. От преследования прячется в норах. Эти убежища она роет сама либо изгоняет из них барсуков. Одним словом, хороший охотник, великолепный, приспособленный к жизни, пластичный зверь.

Особо надо сказать о способностях лисы приноровиться к близости человека. Многие из животных очень чувствительны к беспокойству и могут исчезнуть совсем, если им не оставить заповедные островки территорий. Лиса же, часто попадая человеку на воротник, всегда не страшилась жить с нами рядом. В деревнях ранее она промышляла мышей на гумнах, привлекают ее и курятники. Удивляет сегодня другое: лиса хорошо приспособилась жить в городах. Спасаясь днем в брошенных трубах, на чердаках невысоких строений, в катакомбах всякого лома ихлама, ночью она выходит охотиться и находит обильную пищу на свалках, у мусорных баков и ящиков. И поскольку тут же кормятся мыши и крысы, перепадает лисе и живая добыча.

Для лисы город стал зоной более безопасной, чем лес и поле, где можно попасть на мушку охотнику. В городе лисы и размножаются, причем нередко логово их находят в самом неожиданном месте – на товарной железнодорожной станции, например. Зоологи подсчитали: в Лондоне и Берлине живет сейчас около десяти тысяч лис. Есть они и в Москве, и в других больших городах.

Так природа приспособляется к все подавляющему присутствию человека. К сожалению, не все в природе столь же пластично, как эта рыжая наша соседка. Многое отступает, а если отступить некуда – исчезает.

Фото из архива В. Пескова. 23 января 1988 г.

Кое-что о хвостах Окно в природу

«Сорока на хвосте принесла», – говорим о некоторых новостях. Но почему на хвосте? Понаблюдайте как следует за сорокой и все поймете. Плиссированный, отливающий синевой хвост у нее всегда на виду. По хвосту и мерцающему движению крыльев вы всегда отличите сороку. Но вот из горизонтального полета она переходит в вертикальный нырок. Цирковой номер помогает ей сделать великолепный руль – хвост.

Роль балансира и руля выполняет хвост у многих животных, хорошо бегающих, – у лисы, волка, куницы, гепарда, тушканчика.

Для кенгуру и для дятла хвост – опора. Для обезьян и опоссумов – «пятая рука». На хвосте можно повиснуть и кормиться, пользуясь остальными руками. В Америке мы наблюдали, как опоссум, повиснув на хвосте головой вниз, спокойно спал в кроне дерева.

Белке пушистый хвост помогает планировать и парашютировать при неудачном прыжке.

У кита хвост – и мощный движитель, и весло, и оружие, разбивавшее в щепы лодки гарпунщиков, и угроза сопернику во время китовых свадеб.

Хвост у бобра – великолепное рулевое весло и сигнальный инструмент. Ударяя хвостом о воду, бобры оповещают друг друга: опасность!

У рыбы хвост и движитель, и руль-стабилизатор. Хвост у сома рыбаки называют плёсо.

Хвост у варана и крокодила – оружие, и серьезное. Крокодил сбивает хвостом у воды антилопу, вараны острова Комодо – небольшого оленя.

Для чего у лошади хвост, я понял однажды, когда шел по мешерскому лесу. В одночасье в весенних топях вдруг зазвенели полчища комаров. Спасался я, непрерывно помахивая пучком березовых веток. Подходя к лесному кордону, увидел черного мерина Мальчика. И как-то особо отчетливо понял назначение его хвоста. Хвост спасает от кровососов многих других животных.

В холодное время хвост помогает кое-кому согреваться. Свернувшись калачиком, прячут в хвост чувствительные носы лайки, лисы, песцы.

Звуковым сигнальным снарядом хвост служит не только бобру. В американском штате Вайоминг, скрадывая мустангов, я вдруг остановился как вкопанный от странного звука, похожего на трещотку. Об этом звуке я знал. И, оглядевшись, обнаружил того, кто сигнализировал:

не приближайся! На каменистой земле под сухим можжевельником лежала змея, гремевшая хвостиком. Птица бекас, пикируя с высоты, расправляет тугие перья хвоста – блеет барашком. Это брачная песня бекаса.

Хвост может служить также сигналом зрительным. Белый кончик хвоста лисица использует, чтоб сбить с толку преследователя, – махнет хвостом в одну сторону, а повернет в другую. Такое же назначение черной кисточки на хвосте горностая. Белого зверька на снегу непросто заметить. Ястреб или канюк в поле зрения держит черный кончик хвоста. Но горностаю умело пользуется этой отвлекающей меткой.

И все же именно хвост, особенно длинный, попадает в зубы преследователю. Ну что же, в крайнем случае можно частью хвоста пожертвовать. Так поступают ящерицы и некоторые мыши.

Положение хвоста у многих животных служит показателем их нервного состояния. Подергивание кончика хвоста у льва означает крайнюю степень возбуждения и обычно предшествует решительному прыжку. Хвост трубой у собаки – демонстрация смелости и бесстрашия. А хвост поджала – боится. Положение хвоста, его движение – сложная азбука собачьего языка, выражающая много всего: состояние организма в данный момент, страх, любопытство, дружелюбие, злобу.

Бородавочники в травянистых зарослях Африки бегут, подняв, как антенны, длинные хвосты с кисточкой – так легче в семейной группе не потеряться. Семейство одного из видов землероек передвигается, образовав живую цепочку, – сзади бегущий держится за хвост переднего.

У крысы хвост – и руль-балансир, и чувствительный инструмент для ориентации. И наблюдали любопытные случаи: сметливые крысы пользовались хвостом для добывания пищи. Одна опускала хвост в посуду с оливковым маслом, а другая его облизывала.

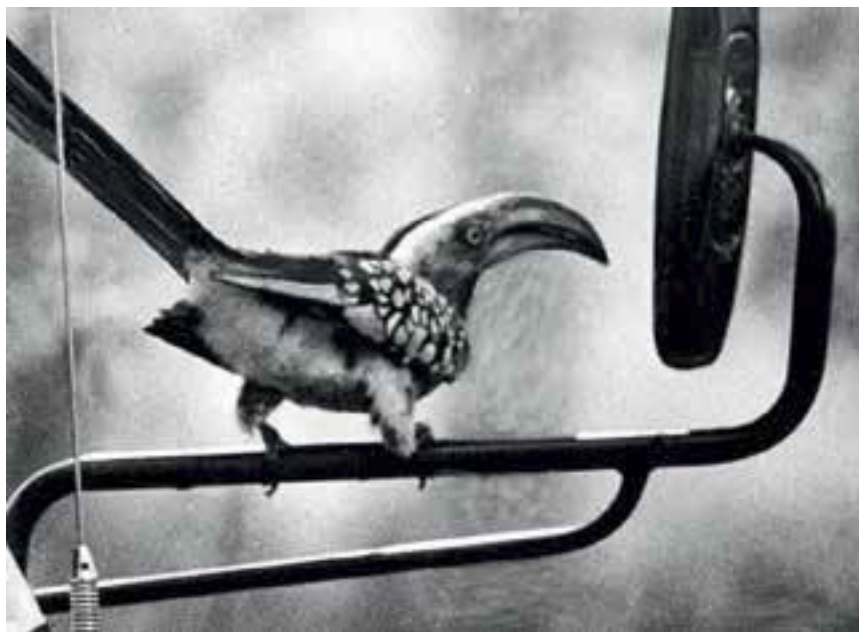
Ну и конечно, хвост – замечательная игрушка. Понаблюдайте, с каким азартом котенок охотится за кончиком своего хвоста. Молодые львята любят играть хвостом папаши. Есть у меня снимок: игривая зебра зубами тянет за хвост слона.

В живой природе хвост – инструмент очень распространенный. В школьном учебнике по биологии помню рисунок – хвостатый мальчик. Это явление атавизма указывает на отнюдь не божественное происхождение «царя природы». Когда-то очень давно прародителям человека хвост был нужен, как нужен сегодня он многим нашим братьям по жизни.

Фото из архива В. Пескова. 5 марта 1988 г.

Чей нос лучше? Окно в природу

Все помнят знакомую с детства книжку-малышку «Чей нос лучше?». Речь в ней идет о разнообразии птичьих клювов. И в самом деле великое разнообразие! Давайте припомним. Вот плотный короткий клюв воробья – инструмент для крушения зерен. Совершенства эта специализация достигает у дубоноса – щелкает косточки вишен. У дятла – долото, да какое – увидишь в дереве ниши, пробитые черным дятлом желной, и не поверишь, что это может проделать птица. А вверху на той же елке орудует клест. Клюв у него крючкова-тый и скрещенный, приспособленный для лущенья еловых шишек. У цапли клюв – острога, точный удар, и добыча прихвачена. А рядом охотятся, процеживая через плоский клюв-ситечко, утки. Таков же инструмент у фламинго. У древнего ибиса, у кулика-серпоклюва, у кроншнепа клювы имеют серповидную форму и хороши для зондирования заболоченных мест. Изящен рабочий инструмент шилоклювки, живущей на мелководьях. Трубочка-клюв у колибри хорош для сосанья нектара. Клюв-ножницы у орла – мощный инструмент плотоядного существа. У колпиц клюв с лопаточками зажимов. Есть клювы, приспособленные для плетения гнезд, для ловли мошкар на лету. Вальдшнеп имеет мягкий чувствительный клюв, которым ищет добычу в лесной подстилке.

Клюв у птицы все равно что рука человека, оснащенная каким-нибудь инструментом. Разглядывая птичьи клювы, обнаруживаешь шилья, долота, щипцы, пинцеты, ножницы, вилки, ложки, трубочки, щетки, расчески. И если птицу мы узнаем, как говорят, по полету, то по клюву мы можем судить об образе ее жизни, местах обитания.

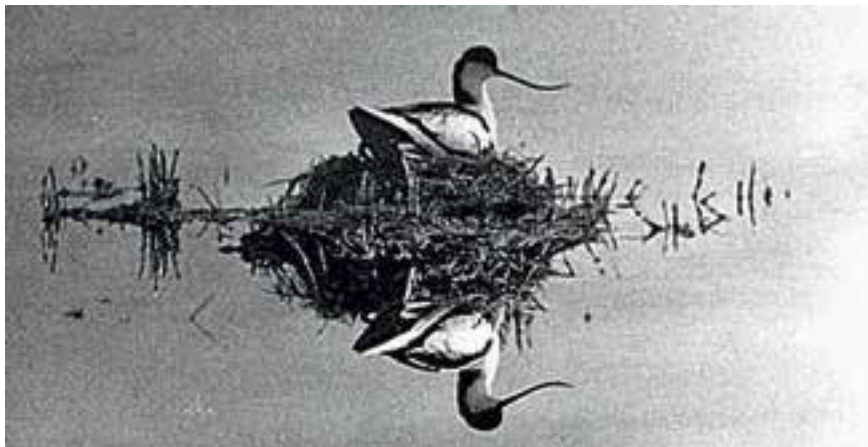

Клюв – это легкое пористое удлинение черепа, беззубая, высокоспециализированная челюсть, покрытая плотным и прочным веществом, родственным волосяному покрову. По мере снашивания конца и боковых частей клюва они обновляются – растут, как ногти.

Некоторые птицы – дятлы, аисты, филины – клювом издают призывные или устрашающие звуки. Некоторые птицы несовершенство конструкций или слабость клюва восполняют добавочным инструментом – стервятники в Африке разбивают страусиные яйца, бросая на них камни, а дятловые вьюрки Галапагосских островов извлекают из древесины личинок колючкой, зажатой в клюве.

Шедевром специализации является загнутый в сторону тонкий клюв новозеландской ржанки, приспособленный для добывания насекомых из-под коры, гротескный «пластмассовый» клюв собирателя плодов тукана, клюв пеликана, снабженный «авоськой» для рыбы.

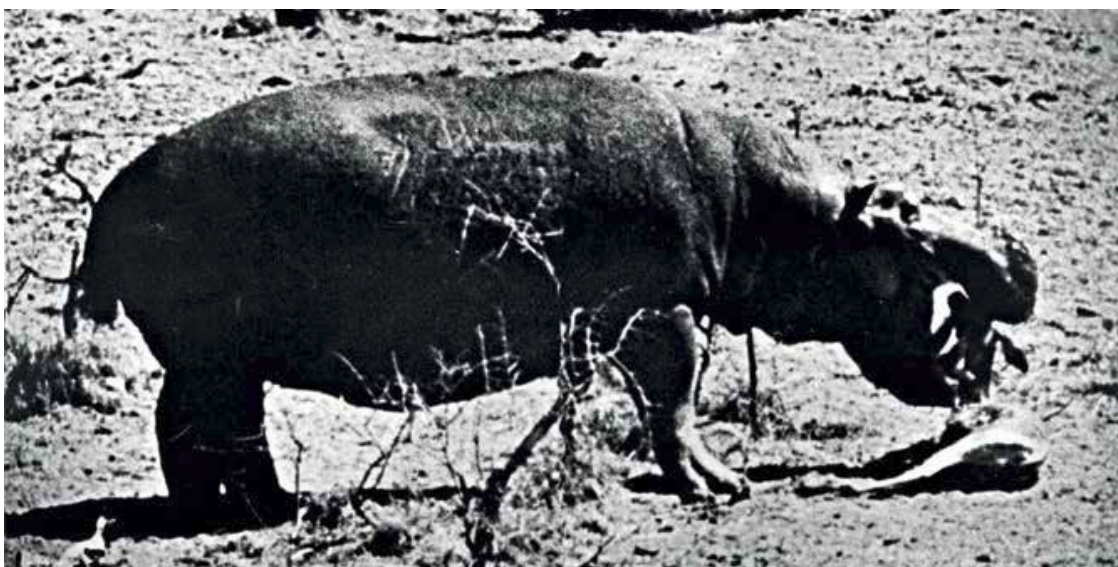

Самый удивительный клюв был у новозеландской птицы гуйи. Самец и самка гуйи имели разные клювы – в виде прочного долота и в виде тонко изогнутого шильца. Долотом древесина долбилась, а шильцем из нее извлекались личинки. Таким образом, самец и самка кормиться могли только вместе. Но черный гуйя исчез. Последний раз птиц видели в 1907 году. Почему исчезли – не ясно. Но, может быть, роковым для них оказалось как раз «двоеклювие». Специализация хороша, но не чрезмерная.

Фото из архива В. Пескова. 19 марта 1988 г.

Альтруизм Окно в природу

В конце прошлого года вечером у меня непрерывно звонил телефон: «Вы видели программу «Время»?..» Знакомые и незнакомые люди пересказывали кинорепортаж и просили дать объяснение редкой, запечатленной оператором ситуации из жизни дикой природы.

Бегемот отогнал крокодила от антилопы.

Многие помнят этот сюжет. На водопое крокодил подстерег антилопу импалу. Крепко вцепившись в жертву, хищник старался ее утопить. Но тут неожиданно всплыл привлеченный борьбой бегемот и «заступился», как говорили мне звонившие, за антилопу. Крокодил скрылся, а окровавленная антилопа метнулась на берег, но тут же упала – силы ее покинули. Всех поразило дальнейшее. Неуклюжий громоздкий зверь подошел к антилопе, раскрыл вооруженную клыками пасть и бережно приподнял голову антилопы, побуждая пострадавшую встать. Увы, раны, нанесенные крокодилом, были смертельны. Бегемот отошел, а притаившийся крокодил довершил свое дело.

Киносюжет в передаче сопровождался словами: «Вот так бывает в природе...» Зрители краткость комментария не удовлетворила. Все хотели понять поведение бегемота, знать обстоятельства съемки – как оператор оказался на месте и снял эпизод, который нельзя запланировать?

Киносюжет при совершенстве нынешних коммуникаций почти одновременно смотрели телезрители всей Земли, и мне без большого труда удалось разыскать очевидца редкого случая. Им оказался кинооператор Дик Ройкассель (Йоханнесбург, Южная Африка). В национальном парке Крюгера Дик стал лагерем у небольшого озера и, направив на кромку берега объектив кинокамеры, ждал событий. К озеру приходила на водопой масса животных, и Дик знал: их подстерегают тут крокодилы.

Ждать пришлось долго. Но операторы-натуралисты – народ терпеливый. При жаре в 42 градуса Дик настойчиво ждал, и на тринадцатый день это случилось.

«Годами выработанное профессиональное чутье заставило меня направить 400-миллиметровый объектив на антилопу импалу, слишком глубоко зашедшую в воду и слишком беспечно утолявшую жажду...»

Борьба крокодила и антилопы длилась минут пятнадцать. Вода была красной от крови. И когда до развязки оставалось уже немного, вдруг всплыл бегемот и направился прямо к месту борьбы...

Такого поворота событий я, признаться, не ждал. Крокодил отступил. Антилопа рванулась на берег. А следом за ней пошел бегемот. «Ну вот сейчас он беднягу прикончит», – подумал я, не отрываясь от камеры. Но случилось то, что вы видели на экранах. Больше того, бегемот, попытавшись безуспешно поднять антилопу, вернулся к воде, окунул в нее губы и понес влагу страдальце. Но силы антилопу уже покинули».

Таковы обстоятельства съемки. С крокодилом и антилопой все ясно. А поведение бегемота? Вот тут надо вспомнить слово «альтруизм». На русский оно переводится так: «Бескорыстная забота о благе других людей». Эгоизма – заботы лишь о себе – у людей тоже много. «Своя рубашка ближе к телу» – поговорка известная. Но известна и еще одна поговорка: «Сам погибай, а товарища выручай». При сложностях нашей природы человеческое всегда противопоставлялось животному, в дикой природе, мол, милосердия нет, там действует закон силы – слабого оттеснят, отбросят, даже добьют. Множество наблюдений эти выводы подтверждает. Природа – жестока, больных и слабых она выбраковывает. Многие видели, как утки клюют хромоножку. Аисты выкинут из гнезда птенца, если чувствуют: корма на всех не хватает – природе выгоднее вырастить двух крепких, чем трех ослабленных. На хилого волчонка мать однажды уставится цепким внимательным взглядом – это сигнал волчатам. И они разрывают хилого брата. Голодные волки разорвут ослабшего в своей стае. Много всего можно вспомнить. Но есть в жестоком рациональном мире искорки, заставляющие вспомнить об альтруизме. Посмотрите, как ловко атакуют вороны ослабленных голубей, как разоряют гнезда маленьких птиц. Но однажды я наблюдал: на нитке, намотавшейся где-то на лапку, вниз головой на сук дерева повис скворец. Орал он безбожно. Пока я сообщал, что и как предпринять, на помощь скворцу пришли вороны, точнее, самая сообразительная из них (а может быть, милосердная). Она села на сук и оборвала клювом нитку. Есть у меня достоверные сведения: лиса вертелась у ног человека и, как собака, побуждала его последовать за ней. Оказалось, в проволочную петлю попала другая лиса. На Полтавщине в прошлом году мы вели киносъемку и были свидетелями, как два гуся пришли на помощь утенку, которого все норовили щипнуть. Дельфины не дают задохнуться в воде ослабевшему – поддерживают его на поверхности. Похожее много раз наблюдали и у слонов. Раненого товарища они поддерживают с двух сторон, не давая ему упасть, уводят в безопасное место. Даже и в волчьей жизни иногда вдруг сверкнет милосердие. Известен случай, когда волчица кормила старого своего друга – уже потерявшего зубы волка.

Такого рода случаи интересны для понимания законов жизни, а также «поправок» к этим законам. Случаи милосердия у животных наблюдали наверняка многие. Хорошо бы нам их собрать. Но только никаких вымыслов – точные наблюдения, еще лучше подтвержденные снимком. На этой фотографии вы видите кадр из уникального репортажа Дика Ройкасселя.

Фото из архива В. Пескова. 27 марта 1988 г.

Кончина Лыкова-старшего Таежный тупик

Вернувшись в марте из отпуска, я обнаружил дома письма и телеграммы: «Скончался Карп Осипович Лыков». А уже через день на вертолете метеослужбы, замерявшем запасы снега в саянской тайге, мы летели над Абаканом.

Карп Осипович.

Я первый раз видел эти места зимой. Белым холстом река стелилась между горами. Кое-где, не сдаваясь морозам, она чернела водой, кое-где по белому вился олениный след. Пронизанный мартовским солнцем, суровый сибирский лес стоял по сопкам в дремотном оцепенении. В нужных местах на заданной с осени высоте вертолет обтекал горы. Мигали в кабине глазки снегомерных приборов. «Много ли навалило?» «В среднем – по пояс, но есть места – больше двух метров», – ответил гидролог. Недоступные, непролазные, в снегах потонувшие дебри. Трудно вообразить тут очажок жизни. Но он где-то есть. В ясный день пилоты находят его, не глядя на карту. Сигнал: «Смотрите по левому борту!» И вот мелькнула крыша избушки с дымком из трубы, забегала рядом коза на привязи, человеческий след к проруби на реке... И вот мы уже на земле. Вертолет тотчас же исчезает. Мы стоим по пояс в снегу, слышим дробь дятла, блеяние козы и видим семенящую вниз фигурку, закутанную в три, а может, в четыре платка. Агафья! За восемь лет первый раз она встречает гостей одна.

Бросив поклажу возле порога избы, молча идем по тропинке в глубь леса. Вот оно, последнее убежище старика Лыкова: горка серой земли и над нею восьмиконечный тесаный крест. К кресту веревочкой привязано бронзовое распятие.

Агафья постояла с нами возле могилы. Не заплакала. Ерофей рассказывал: не плакала и когда шила саван, когда засыпали могилу. Но глубоко протоптанная в снегу тропинка свидетельствовала о каждодневном приходе сюда.

Как все было? Мы с расспросами не спешили. И Агафья держалась так, как будто ничего особого не случилось. Попросила помочь откопать погреб. Принесла картошки и репы. Затопила печурку. С обычным застенчивым любопытством взяла гостинцы, особо радуясь снаряжению к фонарю и лимонам – «лимоны-то я недавно во сне видела». И потом уже рассказала в мелких подробностях о кончине, о самой кончине, о похоронах и о том, что было до этого, – как жили осень и зиму, о чем говорили в последний раз.

Главным событием года минувшего было строительство новой избы. В остатках старого родового для Агафьи жилья зимовать было нельзя. Летом Лыковым твердо пообещали помочь. И обещанье начальник управления лесами Хакасии Николай Николаевич Савушкин выполнил. Построить избу тут было и просто, и сложно. Просто потому, что лес – рядом. Сложно потому, что все до мелочи, в том числе и рабочие руки, надо было сюда переправить. Хлопоты экспедитора взял на себя директор лесхоза в Таштыпе Юрий Васильевич Гусев, а ставили сруб лесные пожарники и Ерофей, на долю которого выпала, как он сказал, «медвежья работа» по заготовке бревен. Новостройка еще не пропиталась характерным лыковским духом, пахнет смолой, стены еще не закопчены, изба светла и просторна. Обращая ежедневно лицо в угол, где на полке стоят иконы, Агафья по памяти «воздравие» поминует плотников: Александра Путилова, Юрия и Николая Кокоткиных, Александра Чихачева, Петра Мохова, Ерофея Седова.

Свою часть работы Агафья сделала позже, перед самой зимой – сложила из речных валунов почти что русскую печку. Трудно было со сводами, но сметливая Агафья прикатила с берега бочку, брошенную геологами, распорол ее, своды вышли – лучше не надо. Для тепла служит переправленная сюда геологами железная печка, а кухарит Агафья у каменной – при нас испекла хлебы, в чугушке «для леченья» напарила свежих апельсиновых корок.

Карп Осипович по слабости тела в становлении избы не участвовал, но очень радовался обновке. Гладя руками стены, всплакнул: «Не придется пожить в хорошей избе». Минувшим летом он был уже дряхлым, забывчивым. Приближение конца, видно, чувствовал и в последний раз на свой лад попытался устроить будущее Агафьи.

В конце лета прибилась к Лыковым пара единоверцев из Поти – муж и жена. Назвавшись родичами Лыковых, уговорили геологов к ним переправить.

Борода бывшего киномеханика и моление его супруги пришлись старику по душе. Союз на жительство был заключен. Ерофей, разглядевший в пенсионерах с Кавказа искателей «чего неизвестно», предостерег: «Не крутите голову старику, житье не выйдет. Тут ведь утром – картошка, в обед – картошка, на ужин – картошка. Геологи к этому кое-что добавляют, но вас снабжать никто тут не будет». Это суждение «подселенцы» пропустили мимо ушей – «мы в войну не такое видали». Однако из «тупика» они утекли, объявившись осенью в доме у Ерофея. На вопрос, отчего же не состоялась зимовка, ответили: «Пища нам не подходит и вера не та».

Агафья, вспоминая своих шустрых гостей, разногласия подтвердила: «Цё за вера у них – масло из бутылки едят, молоко сушеное едят, консерву едят. Едак-то надо в миру и жить». Не понравились Лыковым и другие «мирские» привычки неожиданных квартирантов, например справлять ночью нужду в ведро, не выходя из избы. При всей запущенности быта это для Лыковых было неприемлемо, нетерпимо. Разъяснений и оправданий Карп Осипович слушать не захотел: «У себя там правьте как пожелаете. А тут в доме хозяин – я». На том союз и окончился, к обоюдной радости тех и других.

Навещал Лыковых с той поры один Ерофей. В его жизни в прошлом году случился крутой поворот. Повздорив с начальством, на старой своей работе остаться он посчитал невозможным и подался в охотники. Таежным любительским промыслом он занимался всегда и считал себя годным для охоты профессиональной. В трех часах хода от Лыковых Ерофей построил избушку и в октябре в нее перебрался. Зима показала: таежный промысел – дело тонкое, нужен опыт и знание. Пушнины добыл Ерофей раза в четыре меньше, чем взяли охотники с опытом. Ему, правда, сильно не повезло – оказался по пояс в воде и шел потом три часа к зимовью. В результате обморозил на ноге пальцы и застудил колено. Нога болела, гноилась. По всем правилам по рации надо было вызывать вертолет. «Не позволило самолюбие – проверял капканы, надевая на одну ногу валенок, на другую – сапог». Ближайшей лечебницей для охотника стала избушка Лыковых. Врачевала Агафья тем, чему научил ее Красноярский доктор Игорь Павлович Назаров, – парафином и припарками из пихтовой хвои. Лечение было успешным – Ерофей без богатой добычи, но вместе с остальными охотниками выбрался из тайги...

Сейчас кружком мы сидим у натопленной печки. Дымится в кастрюльке картошка. Макаем горячие клубни в соль и искренне хвалим – никто из нас и нигде не ел столь вкусной картошки. В Москве ученые, с благодарностью приняв присланную от Лыковых Ерофеем посылку, размножили этот сорт, назвав его «Лыковским». Сюда же в тайгу доставленный сорт «синеглазка» был решительно забракован: «Цё за картошка – вода, никакой сытности».

Прижилась у таежной избы скотина. Осенью, завернув сюда – взглянуть на избу, Николай Николаевич Савушкин привез в компанию Муське еще одну козочку и козла. И есть уже прибавление в семействе – бегают у загона, не страшась холода, вполне окрепший козленок, а в избе по лавкам и по скамейкам скачет прелестное десятидневное существо серовато-кофейного цвета с белой отметиной на ноге. «Мальчик... Мальчиком назвала. – Агафья прижимает к себе козленка, целует белое пятнышко у копытца. – Тятя-то был бы рад. Ждал. Да вот не дождался». Козленок, родившись, насосался из вымени материнского молока и никак не хотел пить из чашки. Изобретательная Агафья сшила «вымя» с удобным сосочком из бересты и на руках теперь поит козленка.

По странному совпадению Карп Осипович Лыков умер в тот же день – 16 февраля, – в какой двадцать семь лет назад умерла жена его Акулина. Тщательно, вместе с Агафьей, мы посчитали: умер на восемьдесят седьмом году. Умер, можно сказать, от старости. В последнее время ни в каких делах старик не участвовал – лежал, поднимаясь только поесть и к молитве. В феврале стало замечаться помутнение рассудка – все куда-то пытался пойти. 15 февраля, выйдя за дверь, упал, и Агафья с трудом втащила его в избу. Полежав с полчаса,

опять устремился наружу. Обливаясь потом, Агафья вволокла его в дверь, уложила у печки. Уснув под храп и хрипы отца, на рассвете Агафья встрепенулась от тишины. «Подбежала, а он холодный...»

Что же теперь делать? Помолилась. Заперла в загоне коз и достала с чердака лыжи. В 12 часов тронулась вдоль Абакана к поселку геологов сообщить о случившемся.

Двадцать пять километров одолела Агафья за восемь часов. Уже поздно вечером, в темноте, постучалась в окошко, где жила ее знакомая фельдшерица. В натопленной комнате Агафья повалилась на пол без чувств, успев попросить, чтобы сообщили в Абазу Ерофею, а он уж пусть сообщит кому надо.

Новая избушка Лыковых.

Ночью Агафья металась в жару, и фельдшерица, как следует ее отогрев, предложила лекарство. «Грешно таблетки-то...» – «А иначе можешь и умереть...» – «Да оно, может, и к лучшему, умереть-то...» Однако проглотила таблетку. Пила лекарство потом аккуратно и даже взяла с собой впрок.

– Вот погляди, Василий Михайлович, цё это? – Из узелка с травами Агафья извлекла облатку с синеватыми пуговками олететрина.

– Это лекарство, возможно, спасло тебе жизнь.

Агафья вздохнула:

– Может, и так. Да ведь грех-то большой – таблетки. Теперь отмаливаю. Шесть недель отмаливать полагается...

Три дня в феврале Агафья отлеживалась у геологов. Тем временем срочные телеграммы, посланные Ерофеем, дошли в Москву, в Абакан, к родственникам Лыковых в Таштагол. 19 февраля в поселок вертолетом из Абазы прилетел начальник геологической партии Сергей Петрович Черепанов, трое родичей Лыковых, начальник милиции, женщина-проку-

рор и Ерофей. Как быть с Агафьей – нездорова и согласится ли сесть в вертолет? Согласилась безропотно.

У прокурора и начальника милиции формальности были короткие. Осмотрели умершего, занесли в протокол: «За три дня лежания труп голодные кошки объели руку». Агафья, выкинув из избы кошек, вынесла Ерофею ружье: «Стреляй. Видеть их не хочу...»

Вертолет с официальными людьми улетел. Агафья из старого домотканого полотна села шить саван. Родственник Анисим Никонович Тропин, обтесав кедровые плахи, начал сколачивать домовину, а сын его с Ерофеем рыли могилу.

20 февраля старика схоронили. Не было ни речей, ни плача, ни слез. По обряду долго творили молитвы. А через день, после долгих бесед у свечи, все прилетевшие стали на лыжи и пошли к поселку геологов. Ерофей: «Я оглянулся махнуть Агафье рукой. Стоит у речного обрыва как каменная. Не плачет. Кивнула: «Идите, идите». Прошли с километр, оглянулся – стоит...»

Месяц прошел с того дня. Никто за это время не побывал в избушке на реке Еринат. Только след волка обнаружили мы с Ерофеем. Видно было: одинокий немолодой зверь перешел через речку, сделал круг у избушки и долго топтался на месте, привлеченный, видно, запахом из загона, где ночевали козы.

– Что ж будем делать? Одному человеку в тайге нельзя... – Николай Николаевич Савушкин, Ерофей и я задаем этот простой и понятный вопрос. Ответ на него такой же, каким был и месяц назад, в день похорон.

– Тятенька благословенья отсюда уйти не дал... – И начинает играть с козленком.

Проблема с Агафьей с позапрошлого года казалась решенной. Мне она написала: «Тятенька уберется – буду жить у своих». Считая, что сразу Агафью и заберут, родственники стали прикидывать, что взять из избушки, а что надо бросить. И тут выяснилось: Агафья тронуться никуда не желает. Объясняли, втолковывали, уговаривали, пугали. Ответ один: «Благословенья от тяти не получила». «Поставим отдельно избу, как и тут, заведешь огород...» – «Без родительского благословенья не можно...» Уже перед самым уходом Анисим Тропин полусерьезно сказал:

– Будешь противиться – свяжем и в вертолет.

Ответила:

– Не такое сейчас время-то, чтобы связывать...

На том и расстались.

Ерофей рассказал мне все это в письме. Я рассудил: трудно было Агафье уйти от свежей могилы. Поживет одиноко в тайге – образумится. Нет, все осталось по-прежнему. По очереди с Николаем Николаевичем объясняем ей положение одинокого человека в тайге: медведи, болезни, приход нехороших людей, какой-нибудь случай – кто поможет?

– Да уж что господь даст...

Догадываемся, были у старика перед кончиной с дочерью «философские» разговоры на тему, как не пустить по ветру все, что накоплено для «царства небесного» отшельничеством, постами, молитвами. Пришли к выводу: «в миру» капитал этот прахом пойдет. По некоторым косвенным фактам можно почувствовать: старик желал этот мир покинуть вместе с Агафьей, считал это, как видно, самым верным путем к другой, «вечной жизни». В прошлом не раз именно так завершались таежные одиссеи. Ушел один. Но, видно, твердым был он в своем нежелании видеть Агафью «в миру», пусть даже с единоверцами. И Агафья пока что не смеет послушаться. Не без скрытого смысла рассказала нам житие «пустынницы» Марии Египетской, прочитанное вместе с отцом незадолго до кончины.

Еще и еще раз напомнили мы сорокатрехлетней дочери этой тайги обо всем, что может тут угрожать одинокому человеку.

– Что господь даст... – И играет с козленком.

Вертолета, выполнявшего на другой день рейс к геологам, мы ждали долго. Мартовская тайга уже наполнялась голосами синиц, дробью дятлов, всполошным криком кедровок. Над козьим стойлом вился парок. По огородному склону из-под кучи валежника уже тек робкий, маленький ручеек. На припек из открытой нечаянно двери выбежал любимец Агафьи – козленок – и прямо к материнскому вымени. Вцепился, сосет, подрагивая от возбуждения. Агафья с криком «ай-ай!» сгребла любимца и села к окошку поить из берестяной посуды.

Коротая у костра время, мы с Николаем Николаевичем достали из рюкзака газеты, купленные в Абазе. Чего только нет в человеческом океане – идут через полюс на лыжах... стрельба в самолете... стрельба в Иерусалиме... новое совещание в Вашингтоне... И от всего вдалеке – вот эта догорающая, как свечка, особенная человеческая судьба. Украдкой наблюдаем, как понуждает Агафья козленка пить молоко. Сама не пьет – пост. Какая сила держит ее на месте? Неизбежно печальным будет конец, но она не страшится...

Ерофей, счищавший с избышки снег, первым услышал шум вертолета. Постучал по крыше лопатой: «Агафья, Агафья, будем прощаться!»

К вертолету с нами Агафья не стала сбегать. Взлетая, мы увидели ее такой же, как встретили, – в мышинного цвета одежде, в резиновых зашитых нитками сапогах, с тремя платками на голове. О чем она может думать сейчас?

Просим пилотов пролететь над избой... Виден сверху непогасший наш костерок, коза с козленком, одинокая фигурка глядящего вверх человека...

Летающему в Абазу начальнику геологической партии Черепанову Сергею Петровичу не терпится узнать, чем окончилась наша миссия.

– Я так и думал... Но, может быть, позже, когда как следует оглядится, одумается.

– Может быть...

Час полета, и ни единого человеческого следа внизу.

Фото автора. 29 марта 1988 г.

Погонщик весны Окно в природу

Весна идет под грачиное «ура!» и барабанный гул дятлов. Но еще в феврале, при морозах, солнечным утром можно было услышать бодрые посвисты, означавшие: «Весна идет, я ее погоняю!» Еще молчали синицы. Еще только-только в небе начинались брачные кувырки ворон, но уже звонко, хлестко, с ямщицкой удалью свистела в феврале птица, взглянув на которую удивишься: откуда такой голосище?

Птица многим знакома. В обществе синиц она посещает зимой кормушки. Встретив ее в лесу, обращаешь внимание на бодрый, независимый нрав, на способность ловко приземисто бегать (ползать!) по стволу дерева, часто головой вниз. Поползень! Окраска неброская, но нарядная – светлое дымчатое брюшко и темная синеватая спинка. Формой тельца и темной полоской, идущей через глаз от клюва по голове, поползень вызывает в памяти барсука. А в окружающем поползня мире пернатых он как бы соединил в себе синицу и дятла. Клювом-пинцетом дерево он не долбит, но клюв очень крепок и может крушить даже вишневые косточки. Однажды, услышав вверху усердную дробь, ожидал я увидеть дятла, как вдруг к ногам упал тяжелый лесной орешек. Владелец его, нисколько не испугавшись, головой вниз сбегал по стволу и стал высматривать оброненную драгоценность. Я тихо попятился, и птица орешек нашла, взлетела, и опять я услышал барабанную дробь.

«Ковалик» – «кузнец» называют поползня в Польше. Птицеловы в России за бодрый, веселый свист прозвали поползня «ямщиком», а в Белорусском Полесье его называют «глинянкой». Все три названия неслучайны, но последнее следует объяснить. Дупел поползни сами не долбят – поселяются в старых дятловых гнездах. Однако леток для маленькой птицы велик – тот же дятел может гнездо ограбить. Присмотрев еще зимою жилище, поползень с первых проталин начинает носить к дуплу глину и, мешая ее со слюной, сужает леток. Никто крупнее самого поползня в дупло уже не протиснется.

Человек, любопытства ради заглянувший в дупло, обнаружит в нем пять – восемь белых с оранжевым крапом яичек, лежащих на жесткой подстилке. Ни мочала, ни перьев, ни волосков – только кусочки древесной коры. По моим наблюдениям, предпочитает птица чешуйки коры сосновой. На этой рыхлой подстилке вырастают птенцы. Кормят их поползнии пищей животной. Взрослые птицы летом тоже кормятся насекомыми. Зимой же приходится полагаться на всякие семена. И, кажется, нет в природе птицы запасливей поползня. Еще летом, задолго до суровых времен, начинает он прятать в складки коры и во всякие щели запасы корма. Все идет в ход – орехи, семена бурьянов, подсолнечные и арбузные семечки, семена конопли, проса. Забыла хозяйка на огороде желтый семенной огурец – из него птица выберет, спрячет впрок семечки.

Лет пятнадцать назад осенью я работал у друга в лесной избе и задумал привлечь в дуплянку для фотосъемки парочку белок, живших в лесу по соседству. По верхней жерди ограды разложил я лесные орехи. Насыпал орехов также в дуплянку. И дело пошло на лад – приманка была замечена. Но вдруг помеха – откуда-то появившийся поползень. С неутомимой поспешностью он взялся таскать орехи. Я подкладываю – он уносит. Но поединок я обратил в свою пользу. Проследив полеты воришки, обнаружил орехи между бревнами дома, в щелях колодезного сруба, в трещинах старой лодки. Без большого труда я собрал все ворованное и пустил снова в дело. Ничуть не смущаясь, поползень продолжал азартное воровство, пряча орехи все в тех же местах. Игра продолжалась дня три. Я сделал снимки белок и поползня. Причем птица настолько освоилась, что стала хватать орехи прямо из рук.

А этот снимок сделан недавно. Агафья Лыкова угостила нас кедровыми орешками. Мы щелкали их на солнышке у избы. И тотчас же появились у нас сотрапезники – поползнии. Они сновали между ногами, подбирая то, что мы обронили. Насыпал орехов на шапку другу своему Ерофею – хватают с шапки. Насыпал на березовый кол – получилось фотоателье, снимай в любых позах!

У каждого из животных свой характер, повадки, привычки. У поползня все это выражено особенно ярко. Среди лесных компаньонов – синиц он выделяется подчеркнутой самостоятельностью, смелостью и подвижностью. Заражает энергией своих спутниц, верховодит в их стайке.

О поползне много написано. Есть и такие вот строчки: «Поползень, неведомая, ни на что не похожая птица... В этой дымчатой пичужке есть что-то жуткое, она кажется одинокой, никто ее не любит, и она никого». Это впечатление Горького, сохраненное с детства.

Известно, окружающий мир мы пропускаем сквозь призму своего настроения, состояния в данный момент. В детстве ловивший птиц Алеша Пешков увидел поползня, возможно, в минуту душевных сумерек. И потому показался он ему жуткой, одинокой, никем не любимой птицей. Между тем стоит услышать, как весело поползень «подгоняет весну», стоит увидеть его в суровое время зимы предводителем у синиц, всегда бодрым, находчивым, энергичным, чтобы дружески ему улыбнуться.

Сейчас, когда весна гоняет снега, поползнии ищут в лесу проталины с глиной – уже готовы к ремонту жилищ.

Фото автора. 2 апреля 1988 г.

Близнецы Окно в природу

В феврале я получил письмо от охотников из Уфы: в южноуральской тайге у поднятой на берлоге медведицы обнаружено четыре медвежонка. Через неделю еще письмо: там же, в Башкирии, – еще четверня у медведицы. Опытные медвежатники были озадачены – по четыре медвежонка в берлоге никогда не встречалось.

Я заглянул в справочники. Там говорилось: обыкновенно – один медвежонок, нередко – два, случается – три, исключительно редко – четыре. Таким образом, два исключительно редких случая пришлось на один год и на один таежный район.

Число детенышей у медведицы всегда вызывает особенный интерес, зимой медведица не питается, кормить в берлоге четверню близнецов – предел возможностей организма. Кроме того, медвежата проходят с матерью школу сурового воспитания, выходить четверых сразу – задача для медведицы непростая.

А как обстоит дело с близнецами других животных? С Николаем Николаевичем Дроздовым мы просмотрели недавно изданные французскими зоологами таблицы и вот что обнаружили. Одного, всегда только одного детеныша приносят самки дюгоней, муравьедов, панголинов, американских дикобразов. Как правило, одного детеныша приносят самки китов, слонов, носорогов, тапиров, оленей, зебр, кенгуру. Но против названия этих животных в таблицах стоят примечания: иногда бывает и двойня.

Два-три-четыре детеныша – обычны для многих млекопитающих. А вот те, что приносят десять и больше в одном приплоде, уже выходят из общего ряда. Среди них зайцы и белки, приносящие от одного-двух до десяти малышей, кролики – от трех до двенадцати, американские луговые собачки – от двух до десяти. До пятнадцати в одном помете могут приносить волки, хотя чаще всего бывает четыре-пять волчат. До двенадцати малышей водит иногда за собой самка дикого кабана. У домашней ее родни число малышей в опоросе такое

же, но зафиксированы случаи, когда поросят у свиньи было: двадцать четыре, двадцать восемь, тридцать четыре. И это пока рекорд, зафиксированный у млекопитающих.

В рекордсменах числятся хомяки, приносящие иногда до восемнадцати малышей. Семнадцать-восемнадцать детенышей обычны для австралийской сумчатой кошки, приносящей иногда и двадцать четыре детеныша. Тенрек, небольшое насекомоядное существо, живущее на Мадагаскаре, приносит до двадцати пяти малышей. Но зафиксирован случай, когда самка тенрека, жившая в зоопарке Голландии, принесла тридцать одного тенреченка. (Смотрите снимок. Он сделан в день рождения малышей.) Таким же образом прославилась одна из собак, принесшая в 1945 году (штат Пенсильвания, США) двадцать три щенка.

У птиц рекордсменами являются куропатки – двадцать пять яиц в кладке. До пятнадцати яиц бывает у некоторых уток. В гнезде страусов находили до ста яиц, но это были общие кладки нескольких самок. Мало яиц – одно-два – бывает в гнездах птиц хищных. У змееяда, например, никто не видел в гнезде более одного яйца. Единственное, грушевидной формы яйцо кладет на скалах кайра. Всего одно яйцо способны сохранить от мороза императорские пингвины. По одному яйцу кладут в гнездо альбатросы и кондоры.

Икру рыбы мечут тоже в разных количествах. Корюшка несколько десятков своих икринок кладет в специальное гнездышко и бдительно его стережет. Треска же, бросая в воду миллионы икринок, никакой заботы о потомстве не проявляет. Гарантия выживания рыбы – ее плодовитость. Приспособление это надежно срабатывает у большинства рыб. Плотва мечет двадцать пять тысяч икринок, щука – сто тысяч, налимы – пятьсот тысяч. Рекордсменом икрометания является рыба-луна – триста миллионов икринок! Но рыба эта немаленькая, два с половиной метра – длина, полтонны – вес.

В рождении близнецов прослеживаются некоторые закономерности. У крупных животных число рожденных, как правило, невелико. Среда обитания тоже диктует свои условия, пример – пингвины и кайры.

У человека обычно рождается один ребенок, на восемьдесят восемь случаев приходится двойня, на семь тысяч шестьсот родов – тройня. И зафиксировано около семидесяти случаев рождения пяти близнецов.

Известно рекордное число детей, рожденных женщиной в течение жизни, – 69. Это результат двадцати семи родов, при которых было 16 пар двойняшек, семь раз рождались тройни, и четыре раза близнецами были четыре ребенка. Имя женщины неизвестно. Известен отец детей, крестьянин из Шуи (Ивановская область) Федор Васильев. Роженица была его первой женой. Этот любопытнейший феномен относится к концу XVII века. 67 из 69 детей Васильевых достигли совершеннолетия.

Фото из архива В. Пескова. 9 апреля 1988 г.

Свадебный пруд Окно в природу

Это было в прошлое воскресенье. Мы с другом «встречали весну» – навестили речку Волгушу, текущую по лесным увалам у Дмитрова. Речка в тот день быстрым своим течением несла несчетное число байдарок. Мы видели их то рядом, то сверху, поднимаясь на крутые овражистые берега. Но в середине дня байдарки перестали нас занимать. Углубившись в лес, мы вдруг обнаружили великое кочевье лягушек. За годы хождения по борам ничего подобного мы не видели. Оглянувшись, с одной точки насчитываем три-четыре десятка: по одной и в крепких объятьях – парочки. На южных склонах увалов среди жухлой старой листвы мы замечали лягушек во время длинных нечастых прыжков. Но когда нестройные их легионы достигали полосы затененного снега, их видно было издали. Снег умерял страсти. Лягушки на нем цепенели, и, казалось, «босоное» шествие их прекратится. Нет. Прыжок, две минуты отдыха и раздумий – еще прыжок. Обрыв на пути, и внизу бегущий в речку мутный весенний ручей... Прыжок. Одни препятствие преодолевают и следуют дальше уже по теплему скосу оврага вверх, другие, очутившись в ручье, плывут вниз.

А к переправе между тем подвигались новые странники. Взяв в руки парочку, видишь самку с рыжевато-голубой спиной и чуть меньшего по размеру дымчато-голубого самца. Книжное название этих существ – остромордые лягушки. Обе только сегодня проснулись в лесу, прогретом апрельским солнцем, и сразу двинулись в брачное путешествие. По дороге состоялась помолвка. И вот теперь самке прыжками надо одолеть немалое расстояние – до километра и более, – неся на спине голубого от страсти избранника. Путешествие окончится где-нибудь у теплого бочажка, который, возможно, дал жизнь им самим.

Следуя за лягушками, мы такой бочажок сразу и обнаружили. При взгляде с обрыва у речки весь он был в темных пупырышках, и исходившие от него звуки напоминали бег воды по камням. Подойдя к бочажку, мы увидели: весь он кишит лягушками. Дымчато-голубые самцы, наполовину высунувшись из воды, пели, точнее сказать, икали от страсти, призывая из леса в бочажок самок. Но коллективное это иканье было приятно для слуха и, уж конечно, сводило с ума соплеменников, спешивших сюда из леса.

Пять или шесть таких свадебных мест обнаружили мы, пока добрались под вечер к деревеньке Муханки, стоящей на увале около леса так уютно, так живописно, что мы не раз уже делали крюк, чтобы только взглянуть на деревню. Живописное сельцо человеком, увы, покинуто. Зимой живет тут только лесник. Летом кое-кто из прежних селян приезжает на огороды. Но до того, как зазвучат тут весной первые человеческие голоса, из леса к Муханкам спешат на свадьбу лягушки. Небольшой обрамленный рогозом прудик на краю деревеньки облюбован лягушками, как видно, уже давно. Для апрельских их свадеб он, видно, так подошел, что не смущает лягушек лобастое поле между лесом и прудом – скачут по открытому месту на свадебный зов. И в этот раз мы застали вершину лягушачьего торжества. Сколько их тут собралось, сосчитать было невозможно. Посредине пруда еще плавала синеватая крышечка льда, но вода широко разлилась и уже прогретое мелководье было посыпано маковым семенем темных головок.

Лягушки не спрятались, когда в резиновых сапогах забрались мы в самую середину гулянья. Страстное иканье, погоня за непрерывно прибывавшими через поле из леса необрученными самочками, пузыри от свежей икры, блеск тысяч синеватых головок – все это заставляло нас сесть на камешки возле пруда и просидеть до захода солнца, наблюдая весеннее торжество жизни...

Остромордые лягушки – животные для нас обычные и привычные. Но летом в лесу мы их видим нечасто – на охоту из укромных сырых местечек выходят они лишь в сумерках. На зиму лягушки зарываются в листья в низинах, ямах, в норках и щелях. И спят. Спят до апреля. Разбуженные теплом, они сейчас же стремятся на свадьбы. Прудик возле Муханок – типичное место для спаривания и метанья икры. Каждая из лягушек бросает в воду от пятисот до двух с лишним тысяч икринок. И, сделав свое материнское дело, немедленно возвращается в лес досыпать в ожидании большого тепла. Самцы же продолжают «икать», призывая все новых и новых самок. Они держатся в прудах дней двадцать. И за это время из лягушачьей икры появляется уже новое потомство. Пласты икры, каждый не раз это видел, бывают огромны. Их трудно удержать в руке – выскальзывают подвижной льющейся массой. Каждая икринка в отдельности – прозрачный разбухший шарик с черной точкой зародыша. Прозрачная линзочка оболочки собирает солнечные лучи, и зародыш в икринке развивается быстро. Через пять – восемь дней в воде уже плавает крошечная личинка с хвостиком.

Большие головастики, которых мы видим летом в прудах, – это дети озерных лягушек, живущих постоянно в воде. Эти лягушки в апреле еще спят в холодной воде мертвым сном и даже не подозревают о свадьбах своих сородичей. Головастик же остромордой лягушки довольно быстро теряет хвостик, приобретает лапки и становится крошечным лягушонком, немедленно покидающим свой роддом, и маленькими прыжками направляется в лес. Встречая иногда лягушат размером с ноготь, мы любим ими, как ювелирными изделиями природы, так хороши и изящны! Лягушата эти – дети остромордых лягушек. Путь к взрослой жизни у них тернист. Многие погибают еще в икринке, отложенной по оплошности в случайной, быстро пересыхающей канаве, многих кто-то склюет, проглотит по пути в лес. Да и в лесу немало врагов у малюток. И все же, как видим, их взрослое племя пока велико.

Какая-то память влечет лягушек в направлении того бочажка или пруда, где они родились. Попад в зону звуков апрельской свадьбы, они никакой силе уже не дадут изменить или замедлить движение...

Мы сидели на камешке, наблюдая за прудом, почти до заката. Удивительное зрелище стояло перед глазами. Пруд «икал» тысячами лягушачьих плотов. А лобастое поле со щетиной желтой стерни было покрыто черными точками. Сотни лягушек спешили на свадьбу.

Фото автора. 24 апреля 1988 г.

Мастера Окно в природу

Вот перед вами один из них. С искусством ткача этот пернатый мастер строит гнездо. Птица печник с таким же искусством лепит гнездо из соломок и глины. Дятел долбит дупло. Есть мастера в птичьем мире рыть норы в земле. Чомга строит плавучий плотик, синица ремез сплетает висящую на тонких ветках плетеную теплую рукавичку, настолько прочную, что, было время, деревенские ребятишки кое-где надевали старые гнезда ремезов на ноги вместо домашней обуви.

Чаще всего у нас на виду – птичья работа. Но почти все животные что-либо строят. Присмотритесь после сошедшего снега к лужку на опушке – мыши выстригли на нем разветвленную сеть дорог. Все животные не бродят в лесу как попало. У них есть излюбленные пути и маршруты, но мыши строят именно дороги. Не путаясь в травинках, они всю зиму ходили друг к другу в гости, к запасам корма, прогуливались. И сейчас, при опасности, они бегут по этим утрамбованным просекам, словно по желобкам. А вот на ветке блестит паутина – мастерски сработанная ловчая сеть. На прогретом солнцем песочке можно увидеть и ловчую яму. Ее соорудил «муравьиный лев» – личинка насекомого, похожего на стрекозу. Оступится муравей у края этой воронки и катится прямо в лапы охотнику. Строят животные убежища. Барсук и лиса укрываются в них от врагов и выводят потомство. Жители жарких мест роют убежища от жары. Белый медведь – от морозов. Строят животные кладовые, площадки для брачных игр, сооружают большие дома-колонии, в которых живут громадными сообществами. Остановитесь у муравейника – это как раз такая постройка, уходящая в землю ровно на столько, на сколько возвышается над землей. Она вся пронизана ходами, галереями, камерами и вентиляционными щелями.

Есть постройки животных, поражающие воображение. Крошечные существа, термиты, сооружают замки высотой до семи метров столь прочные, что о них приходят почесаться слоны. Плотины бобров – еще один пример инженерных способностей у животных. Известны плотины длиной до 700 метров и выдерживающие всадника.

Но большая часть всех сооружений у насекомых, у птиц, у крупных животных связана с выводением потомства. Надо беспомощных малышей защитить от врагов, от непогоды, от перепадов температуры ночью и днем. Для этого плетутся, долбят, лепятся гнезда у птиц, роются норы, сооружаются логова у зверей, насекомые лепят для личинок глиняные «кувшины», сшивают трубочки из листьев, лепят ячейки из воска, строят дома бумажные. Пауки делают для потомства мешочки из паутинок. Некоторые из лягушек помещают икру в пенные гамачки – всего не перечесать.

Материал для построек – самый разнообразный: глина, песок, деревянные поленья, ветки, травинки, листья, пух, перья, мочало, древесная стружка, хвоинки, растительные волокна. Некоторые материалы производят сами животные – затвердевающая слюна, воск, струйки белкового вещества, превращающиеся на воздухе в паутину или шелковую нить. Инструмент при строительстве тоже различный, но это почти всегда исключительно то, чем владеет животное, – клюв, лапы, рыло, жвальца, шильца. Известно лишь несколько строителей, пользующихся, подобно людям, привлеченными к случаю инструментами – птица шалашник, зажав в клюве мочальную кисточку, соком ягод красит свадебную беседку, а одна из ос пользуется трамбовочным камешком.

Долговечны ли постройки? Для многих животных они сезонны. Медведь берлогу чаще всего строит заново. Большинство птиц строят новые гнезда, и этот процесс, как можно заметить, радостная пора их жизни. Но некоторые из птиц возвращаются в старые гнезда, лишь подновляя их ежегодно. В Сибири гнездо орлана-белохвоста занималось птицами 80

лет подряд, а одно гнездо аиста дошло к нам из средневековья, продержалось на башне почти 400 лет. В Африке столетиями стоят термитники. Сотни лет служат барсукам норы. Многие поколения этих аккуратных, скрытных животных, если их не тревожить, держатся родового места.

Главный вопрос: как, по каким «типовым чертежам» строят животные? Кто учит ласточку лепить из грязи гнездышко строго определенной формы? Откуда знание геометрии у пчелы? Кто учит плести гнездо-корзинку вот этого ткачика? Как муравьям удастся сложнейшая конструкция их общественного жилища? Чем руководствуется паук, сооружая сети строго определенной формы и в определенной последовательности?

«Проекты» построек и методы их возведения животные получают с врожденной памятью по наследству. Они сформировались и утвердились в течение миллионов лет эволюции, приспособления каждого вида к среде обитания. Строительная программа наследуется животными, как и вся сложная структура их поведения. Однако есть в этой стройной программе допуски и припуски, позволяющие животному учитывать меняющиеся условия. У низших животных, например у пчел, муравьев, ос, этих допусков-припусков мало. Для нас

они во всяком случае незаметны. Муравьи строят свой муравейник так же, как строили его их предки сто миллионов лет назад. Более высокоорганизованным животным природа в поведении их, в строительных делах в частности, «поводок» слегка отпускает. И кое-что тут зависит от жизненного опыта, от меняющихся условий жизни, от научения и подражания. Обезьяна шимпанзе, например, в наследственной памяти от рождения хранит способность строить ночлежные гнезда. Программа эта подобна фотобумаге со скрытым изображением, которое надлежит проявить. Таким «проявителем» для обезьян служит поведение «родителей». Опыты показали: если малыш шимпанзе не видел, как строят гнезда родители, он вырастет неумехой. В этой части «карточка» наследственной памяти оказывается непроявленной. Муравей же всегда знает, что ему надо делать. И паук знает, с чего начать и чем кончить плетение сети. И бобренку «проявитель» не нужен. Проверено: он так же умело построит хатку, как строили его далекие предки, он знает также, что надо делать, когда вода размочит плотину, знает, что надо немедленно броситься в сторону, когда, падая, скрипнет подточенное им дерево... Надежна и велика память у всего, что летает, бежит, ползает, плавает. Наблюдая ее проявления, мы говорим: «Без рук, без топоренка построена избенка».

Фото из архива В. Пескова. 30 апреля 1988 г.

Пчелиная борода Окно в природу

Кто из нас не замирал или не начинал отчаянно махать руками, когда возле носа с жужжаньем появлялась пчела. От укуса пчелы иногда может перекосить лицо. В нашей газете однажды был описан случай, когда пчелы до смерти зажалили парня, проходившего мимо пасеки. Оказалось, он был надушен, и у пчел, в жизни которых запахи играют исключительно важную роль, этот сорт духов вызвал ярость. С другой стороны, мой дед в рубахе, пропитанной медом и воском, видно, имел настолько приятный, «свойский» запах для пчел, что они оставались спокойными, даже когда он тревожил их в улье.

Но что мы видим на этом снимке – женщина с бородой из пчел. И совершенно спокойно, как спокойны, впрочем, и пчелы. Объясним ситуацию. В некоторых странах пчеловоды на своих летних праздниках устраивают необычные соревнования. Задача: удержать на себе возможно большее количество пчел. В городке Ланкастер (штат Пенсильвания, США) в соревнованиях принимают участие до 600 пчеловодов. Победителям вручаются премии, их фотографии публикуют газеты.

Как же заставить пчел собраться на лице без риска подвергнуться их нападению? Пчелы, если не возбуждены, ведут себя мирно. Им и невыгодно возбуждаться – ужалив, пчела и сама погибает. Но как все-таки их привлечь, да еще так, чтобы они образовали живописную бороду на лице человека? Секрет простой. Под подбородком участника соревнований в коробочке укрепляют пчелиную матку. На ее запах немедленно собирается вся семья. Участнику соревнований надо только ватой заткнуть уши и ноздри и сохранять хладнокровие – на паникера пчелы могут напасть.

На этом снимке – одна из участников пенсильванского праздника. Но это не победитель соревнований. Победил некий Макс Бек, удержавший на своем теле девять килограммов пчел. Для этого в разных местах своего тела ему пришлось укрепить несколько пчелиных маток. Смысл подобных соревнований? Развлечение ну и, конечно, реклама меда.

Фото из архива В. Пескова. 8 мая 1988 г.

Живая память степей Окно в природу

Ночью, когда горела на небе Большая Медведица и ползал по горизонту желтоватый огонек трактора, мы спустились в землянку, прикрытую сверху брезентом и колючками перекати-поля. В этом скрадке, сладко позевывая, и ждали рассвета. И когда он проник под брезент красноватым лучиком майского солнца, мы их увидели.

Метрах в ста от землянки вдруг распустилась громадная белая роза. И чуть в стороне – еще две. Цветы эти двигались. И если б заранее мы не знали, что это значит, загадку пришлось бы долго разгадывать, потому что даже сильный бинокль подавал к глазам бесформенный белый шар на высоких крепких ногах. Это были дрофы, точнее сказать, самцы-дрофичи, токовавшие на непаханой старой бахче. Во все стороны простиралась заволжская хлебная степь, а тут, на залежи, дрофы нашли себе уголок для брачных весенних игр.

Приглядевшись, над снежно-белой охапкой перьев можно было различить запрокинутую, положенную затылком на хвост голову, раздутый на шее мешок. Белые «юбки» самцов – исподние перья хвоста. Взбив эту пену, дрофич становится далеко видимым, призывает: «Я здесь!» И к нему собираются самки, бегут соперники. А надо скрыться, слиться с равниной – белый брачный наряд исчезает. Рыжевато-черный струйчатый цвет оперенья прячет дрофич в бурьянах – в пяти шагах не заметишь.

Из всех летающих птиц дрофа самая крупная – самцы достигают веса шестнадцати, а иногда даже двадцати килограммов. Эта размером с косулю птица когда-то была одной из самых распространенных на европейских равнинах. Во времена Брема она совершенно была истреблена в Англии... редко встречалась во Франции... довольно обычной была в Германии и в совершенно невероятных количествах встречалась в степной России.

В Красной книге сегодня о дрофе сказано: редкий исчезающий вид. Численность во всем ареале катастрофически снижается. Что же вывело птиц на эту печальную грань?

Врагов у дрофы всегда было много. Ее преследовали волки, шакалы, орлы. Птенцов брали более мелкие хищники – лисы, луны. Гнезда вытапывал скот, пастухи собирали яйца. Ну и конечно, крупная птица была объектом беспрестанной охоты. Подбираясь к сторожким дрофам всякими хитроумными способами, по ним стреляли кучно из сваренных в батарею ружейных стволов. Бывали зимы, когда стаи птиц с отсыревшими, а потом прихваченными морозом перьями забивали палками или даже загоняли в степные дворы. Но самым главным врагом этой птицы стал плуг. Распашка степей лишала ее жизненного пространства, к которому она веками была приспособлена. Недавний подъем остатков целинных земель – последний сильный удар по жительнице степей. Механизированная и частая обработка полей, применение химических ядов усугубили положение. Дрофа (дрохва, дудак) повсеместно катастрофически исчезает. Охоту на дроф самым строгим образом запретили. Но, похоже, конюшню стали запирают, когда лошадь уже увели – на всей громадной территории наших равнин осталось не более трех тысяч условных гнездовых пар. Некогда широко распространенная птица «залетела» в Красную книгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.